

18+

II. Мир Кодея.
Империя Эгле.

ДЭРУ АСТАЛ

Аэру Астал

II. Мир Кодея. Империя Эгле

<https://litres.ru/74148202>

ISBN 9785006997134

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Если ты смел и решил пройти по прекрасному лесу, то будь готов к тому, что тропинка, проторённая тысячами неизвестных ног, может увести тебя в места, нужные лишь Духам. И в конце неожиданного пути вы, возможно, наткнётесь на озеро с древним замком. Это место давно не ждёт гостей. Словно махнувший рукой на всё вокруг старик, он не следит за временем и тем, что творится в мире, предпочитая доживать свои дни в привычном ему укладе. Спокойном, не обременённом великими свершениями.

Содержание

5 марта 2104 г	5
17 марта 2104 г	12
2 мая 2104 г	22
16 мая 2104 г	33
12 июня 2104 г	48
17 июня 2104 г	60
2 июля 2104 г	70
3 июля 2104 г	85
15 июля 2104 г	94
20 июля 2104 г	105
21 июля 2104 г	124
23 июля 2104 г	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

II. Мир Кодея. Империя Эгле

Аэру Астал

Дизайнер обложки Диана Давтян

© Аэру Астал, 2026

© Диана Давтян, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-9713-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-6662-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

5 марта 2104 г

Айсван

Холодный февральский ветер всё ещё гуляет среди деревьев, завывая и разнося по Лесу запах снега, сырости и мокрой коры. Несмотря на то, что в мире уже наступил день, здесь, в близи Северных пустошей, царит ночь во всём её великолепии. Тёмное небо, усыпанное ледяными звёздами, словно купол, накрывает дремучие чащи, а лунный свет серебристыми бликами пробивается сквозь переплетение ветвей.

В этой первозданной тишине я неспешно и бесшумно скольжу среди деревьев, вглядываясь в сокровенные уголки Северного Леса, наблюдая за царящей в нём жизнью. Вот рыжая лисица, прижав нос к снегу, выслеживает мышь; её дыхание клубится в морозном воздухе. Там, вдали, стая волков переговаривается тихими завываниями — их голоса сливаются с ветром в древнюю песнь. Под корнями вековых елей копошатся лесные духи — крохотные создания с глазами, похожими на мерцающие светлячки. Они перебирают опавшую хвою, напевая неслышную человеку мелодию.

Я задерживаюсь у замёрзшего ручья. Сквозь прозрачный лёд видны застывшие водоросли и редкие пузырьки возду-

ха — словно застывшие мгновения ушедшего лета. Протягиваю руку, и на поверхности льда расцветают причудливые узоры.

Продолжая свой путь, замечаю, как молодые деревца, укутанные снежными шальями, тянутся ко мне, будто ища одобрения. Я касаюсь их макушек, и на мгновение кора оживает, вспыхивая мягким голубым светом. Это благословение — знак, что лес под надёжной защитой, что даже в самую долгую зиму жизнь продолжает течь, скрытая от посторонних глаз.

На ближайшую ветку присаживается белая сова, громко хлопнув крыльями и требовательно ухнув, привлекая к себе внимание. А через минуту срывается с места и летит в нужную ей сторону, чуть кружа, чтобы я успел вслед за ним.

Деревья расступаются, уступая дорогу. Уж не знаю, что их так встревожило или заинтересовало. Сделав ещё шаг, остаиваюсь около широкой дорожной колеи. Кровью пахнет. Карета перевернула. Колесо лежит поодаль. Лошадей не видно — видимо, сбежали. Под деревом сидит раскинув руки в сторону уже мёртвый мужчина средних лет.

И что в этом такого? С тех пор, как в этом Лесу появился Нурдоолот, тут постоянно кто-то да умирает. Ничего нового. Ничего странного. Всё как обычно.

Или не совсем.

Я улавливаю едва ощутимый огонёк жизни. На карту присаживается Белая сова и ухаёт, требовательно хлопая крыльями. Переминается с лапы на лапу и смотрит в глаза так проникновенно, что сложно не догадаться о чём она просит.

Я заглядываю внутрь.

Она лежит поломанной куклой, перепачкана в собственной крови. Глаза прикрыты и лицо выглядит так, словно она просто уснула на несколько минут. На виске, в районе левого глаза, наливается синяк, а небольшая царапина на правой щеке выглядит серьёзнее, чем должна. Платье порвано. В некоторых местах виднеются следы от сорванных украшений. Провожу невесомо пальцами по пряди серебристых волос... Пахнут пионами и цедрой.

Сова бодает меня в бедро и снова узнает в это раз протяжно и грустно. Она явно не хочет, чтобы девушка умирала. Взгляд падает на протянутую руку, которая протянута... К клетке. Видимо она хозяйка совы.

— *Хах.* — расплываясь в кривой улыбке, понимая, чего она от меня хочет. — *Жизнь за жизнь.* — сова согласно ухаёт, спускаясь внутрь кареты и мягко трётся головой о нежное лицо, перебирает пряжки и что-то курлычит ей на ухо, прежде чем поднять на меня уверенный взгляд. — *Вот ведь. Она была такой хорошей хозяйкой?* — сова горделиво выпячивает грудь, ухаёт утвердительно и едва ли не гладит девушку по волосам своим крылом. — *Вот как. Хорошо.*

Мягко подхватив её на руки, я делаю несколько шагов в нужную сторону, пересекая тропы духов. Пара минут — и передо мной появляется замок на краю водопада. Одно из немногих мест, где сохранился святой источник... О нём давно забыли, но силы своей он не потерял.

Правильно ли то, что я принёс тебя сюда? Не станешь ли ты проклинать меня? Однако... Мне хочется узнать, кто ты и какая ты... Надеюсь, ты простишь мне моё эгоистичное желание.

— *Кого ты принёс?* — передо мной появляется молодой рыжеволосый мужчина. Он складывает руки на груди, смотрит на меня и на мою прекрасную ношу... — *Она... Хах. Она почти умерла. Зачем ты принёс её?* — На его лице нахальная усмешка с долей понимания и противостояния. — *Серьёзно собираешься спасти её?*

— *Меня попросили.* — киваю головой, обхожу мужчину по дуге... А вслед за мной в замок влетает сова, присаживаясь подоконник.

— *Попросили?* — недоумённо вздёргивает бровь, провожая меня взглядом, прежде чем пойти следом. — *С каких это пор ты отвечаешь на чьи-то просьбы?* — заинтересованно посматривает то на меня, то на девушку, то на птицу.

— *Что за странный вопрос?* — равнодушно веду плечом, заворачивая в очередной коридор. Шум от крыльев снова разносится по пустым коридорам. — *То что я никогда этого не делал на твоей памяти, не значит, что я действи-*

тельно никому не оказывал подобной милости.

— *Да ну.* — складывает руки на груди, опирается на колонну, наблюдая за мной со стороны. — *Подожди... А после того, как ты её вылечишь, ты же отнесёшь её в деревню?* — осторожно интересуется поддаваясь вперёд и выпрямляясь. — Только не говори, что собираешься оставить её тут! — возмущается открывшейся догадкой и смотрит на меня так осуждающе.

— *В моих садах полно фруктов и целебных трав. А за теплоту в замке и сохранность вещей разве не ты отвечаешь?* — Расплываюсь в усмешке, давая понять, что просто так не откажусь от затеи. — *Ты вроде бы не так уж стар и слаб... И это Хранитель Замка.*

— *Ты!* — взрывается возмущением, чуть ли не давится воздухом, но тут же остывает и тяжело вздыхает. — *Ты не откажешься от этой затеи...* — Он готов смириться? — *Не говори потом, что не предупреждал.* — Убирает руки за спину и отворачивается в другую сторону. — *Ты хоть знаешь, кто она?*

— *Нет... Но она похожа на благородную леди.*

Двери перед нами распахиваются, пуская в огромный зал, который кажется пустым, но посреди стоит огромное белоснежное дерево с цветами пиона. Его ветви раскинулись так широко, что почти касаются сводчатого потолка, украшенного древней резьбой. В воздухе плавают нежные лепестки, медленно опускаясь на мраморный пол, выложенный при-

чудливым узором. Свет от магических светильников окрашивают всё в мягкие оттенки розового и золотого.

Усадив её под дерево, я быстро нахожу всё нужное, чтобы сделать снадобье. Несколько сорванных цветов, красивейших из многих. Несколько белоснежных листьев. И сок дерева, пущенный из молодой ветви. Перетереть, сцедить и осторожно влить в рот...

— *А вы с ней похожи...* — облокачивается на мой ствол, подпирая голову рукой и смотря на меня сверху вниз. — *Неужели родственники какие? Тогда и тебя принесли в жертву?*

— *Жертвы не могут стать святыми духами...* — свожу брови к переносице и поднимаю взгляд на проклятого духа.

— *Ну-ну.* — Этот мальчишка, не знающий почтения, любви и доверия. Всех он видит жертвами судьбы. — *Кажется, помогает. Или нет? Я не вижу разницы... Вот ведь бледная, как полотно. Её что, совсем не кормили?* — Присаживается на корточки и прикасается осторожно к лицу. — *Помогает... Шрам на лице исчез...* — фыркает и поднимается обратно. — *Пойдём... Я подготовил комнату и одежду.*

Мы направляемся вглубь замка. Коридоры, затянутые паутиной времени, отзываются глухим эхом на каждый шаг. Старые гобелены, выцветшие от веков, шепчут забытые истории. В воздухе витает запах воска и сухих трав — словно сам замок затаил дыхание, наблюдая за нашим шествием.

Комната, которую подготовил Хранитель, встречает нас

мягким светом, светильников над широкой кроватью с резным деревянным изголовьем, укрытой пушистым покрывалом из меха. Возле камина, сложенного из серого камня, стоят два кресла с высокими спинками, обитые бархатом. На небольшом столике уже дымится чашка травяного отвара, а рядом лежит стопка чистой одежды — льняная сорочка и тёплое платье из мягкой шерсти.

Я осторожно укладываю девушку на кровать. Её дыхание едва заметно, но теперь оно ровнее, чем прежде. Кожа, ещё недавно холодная как лёд, понемногу теплеет.

17 марта 2104 г

Юная Эльфийка

Прохладный ветер доносит до меня запах влажной земли и гниющей листвы, проникая в комнату через приоткрытое окно. Солнечный луч попал прямо мне в глаза, заставив меня прищуриться и попытаться зарыться поглубже в кучу мягких одеял и подушек. Приятный цветочный аромат постельного белья вызвал у меня улыбку.

Приоткрыв глаза, я уставилась на полупрозрачные занавески, колышущиеся вокруг кровати и создающие ощущение невесомости. На моих губах расцвела улыбка, и я лениво потянулась, выгнувшись всем телом, как кошка, прежде чем наконец сесть и оглядеться. Однако туманная пелена мешала мне понять... где я нахожусь? Мне нужно было встать...

— Доброе утро. — Тихий мужской голос заставил меня резко повернуть голову в его сторону и инстинктивно прижать одеяло к груди. Я слегка отодвинула занавеску и увидела пару лиловых глаз на лице седовласого мужчины, похожего на нежный цветок. — Кажется, я тебя напугал. Просту прощения. — Он отложил книгу, закинул ногу на ногу и сцепил пальцы, положив их на колено.

— Кто ты? — Моё сердце, забившееся в бешеном ритме,

начало успокаиваться, не чувствуя непосредственной угрозы со стороны этого странного, неземного мужчины.

— *Меня зовут Айсван. Я — дух-хранитель Мирового Древа...* Вы находитесь в замке Нурдулот, который принадлежит моему знакомому. — Он добродушно, почти незаметно улыбнулся, но его взгляд оставался сосредоточенным и пронизывал утреннюю дымку.

— Как я здесь оказалась? — Я слегка пошевелилась, двигаясь ближе к изголовью кровати. От глубокой усталости мои конечности налились тяжестью. — Вы сказали «Нурдулот». Разве это не... проклятый замок посреди леса? И... Хранитель Мирового Древа...» Древо Илель? — Я попыталась собраться с мыслями, сложить разрозненные фрагменты в единую картину, но вместо ответа мой череп пронзила острая, ослепляющая боль. Я сворачиваюсь калачиком, беззвучно хватая ртом воздух. Через мгновение на мой лоб ложится прохладная рука. Боль не исчезла, но отступила, смягченная этим странным, нежным холодом.

— *На вас напали бандиты. Вы помните, куда направлялись? Или откуда вы родом?* — спросил он тихим шёпотом. Его пальцы с нежностью убирают волосы с моего виска, а сиреневые глаза завораживают своей красотой.

— Я... — я собираюсь с силами, чтобы заговорить... но в голове царит звенящая пустота. Идеальная, безмолвная, ужасающая пустота. Я замолкаю, погружаясь в это странное состояние. — Прости... я... не помню. Ни имени, ни откуда

я и куда направлялась. Только... Желание побыть в одиночестве...

— *Не помнишь?* — Его бледные брови слегка нахмурились. Он задумчиво подпер подбородок изящными длинными пальцами и устремил взгляд в окно, на голые ветви деревьев за ним. — *Понятно. Это неудивительно. У тебя был сильный ушиб возле виска; вероятно, это сотрясение мозга. Ты знаешь о Нурдулоте... так что это не полная потеря памяти...* — Его голос был спокойным, но в нём слышится беспокойство или, возможно, любопытство.

Он поднимается со стула так плавно, что это едва ли можно назвать движением. Он высокий и стройный, одетый в мантию цвета выбеленной кости и синеватых сумерек. Он подходит к окну, и слабый мартовский свет, кажется, отпрянул от него, вырисовав его профиль чёткими серебристыми линиями.

Я наблюдаю за ним, чуть придержав дыхание. Хранитель Мирового Древа. О таких вещах рассказывали в старых сказках, которые старцы шептали детям с широко раскрытыми глазами. Иллель была если не сердцем мира, то средоточием природной магии. А его хранители — мифические существа, такими же древние и неподвижные, как само дерево. И всё же один из них стоит передо мной, его волосы похожи на свежавыпавший снег, а глаза — на сумеречные фиалки.

— Бандиты.. — повторяю, пробуя слово на вкус. Оно кажется чужим и не вызывает никаких образов, никакого стра-

ха, никаких воспоминаний о бегстве или борьбе. Только пустое эхо самого слова. — Если я знаю об этом месте, значит, я должна знать больше.

— *Память — это запутанный корень.* — говорит Айсиван, не поворачиваясь от окна. — *Он не ломается чисто. Он изнашивается. Вы можете ухватиться за одну нить — имя, место, чувство... В то время как остальное остаётся скрытым.* — Наконец он снова посмотрел на меня, и его взгляд был полон знания, которое охватывало столетия. — Желание побыть в одиночестве, которое ты испытываешь... скорее всего, это ниточка. Придержись за неё. — Он подходит к маленькому столику, на котором стояла дымящаяся чашка. — *Это поможет справиться с болью.* — Он протягивает мне чашку.

Я нерешительно беру его. Наши пальцы не соприкасаются. Фарфор тёплый, но воздух вокруг его руки — холодный. Я делаю глоток. Напиток отвратительно крепкий, но почти сразу тупая боль в висках сменяется терпимым шумом.

— Спасибо, — шепчу, проводя большим пальцем по кромке кружки, прикрывая глаза и открываясь на изголовье. — А мои вещи?

— *Твоя прежняя одежда была порвана и испачкана так, что её уже нельзя было спасти,* — виновато приподнимает уголки губ, а я заливают краской, поскольку на мне явно другая одежда. — *Хаммонд её выбросил.*

— А... — неожиданно для себя, я начинаю осматриваться

по сторонам... — Птица... Со мной была птица.

— *Белая сова.* — отвечает Айсван, возвращаясь на своё место и показывая куда-то в сторону столика. Он не вдаётся в подробности. — *Она была настойчива в просьбе спасти тебя.* — я замираю на несколько секунд, рассматривая белую горку на темном дереве...

— *Мио.* — срывается с губ так неожиданно... Горка начинает шевелиться и теперь становится понятно, что это не просто что-то декоративное. — *Мио.* — я быстро спускаюсь с кровати, легко перебегая комнату и останавливаясь около стола. — Ох. — сова встрепелулись, поднялась на ноги и раскрыла крылья, желая взмахнуть, но вместо этого медленно складывает их и подойдя бодается головой.

— Её вы помните. Наверное она была для вас очень ценной. — я мягко провожу по перышкам, почесываю макушку, слушая довольное уханье.

— *Эй! Вы скоро?!* — Рядом с креслом, на котором сидит Айсван, появляется рыжеволосый эльф с янтарными глазами. Беловолосый парень тяжело вздыхает с лицом полной обречённости.

— *Несносный мальчишка... Кто так врывается?!* — Делает ощутимый тычок в его ребро, заставив смутьяна зашипеть от боли. — *Не переживай. Этот шумный и ворчливый мальчишка — Хаммонд — он дух хранитель замка.* — Расплывается в лёгкой полуулыбке... — *На стуле лежит сменная одежда. На столе таз для умывания с полотенцем. Это*

всё подготовил Хаммонд, так что не надо его бояться.

Рыжеволосый эльф складывает руки на груди и высокомерно развернувшись на пятках исчезает из комнаты, растворившись. Вслед за ним, поднимаясь с кресла, исчезает и Айсван, оставляя меня с совой.

Приподняв уголки губ, я осматриваю комнату.

Большая комната в нежно-зелёных тонах. Кровать, на которой я спала, выглядит как несколько деревьев, которые образуют подпорки и перекладины балдахина. А по комнате расходятся разноцветные блики, поскольку вместо простого стекла в раме заключены картины...

Мой взгляд падает на одежду, разложенную на табурете: простую белую льняную рубашку, длинную струящуюся юбку цвета лесной зелени, кожаный ремень и мягкие туфельки на небольшом каблучке. И широкая белая шаль...

В отражении туалетного столика на меня смотрит прекрасная молодая девушка, похожая на нежный бутон пиона или глицинии. Жемчужные волосы, из-за падающего света, переливаются разными цветами... Нежно-голубые глаза смотрят широко, удивлённо и восхищённо. Молочная кожа. Розовый румянец.

Прекрасная статуэтка... Неземная нимфа. Кажется, я знаю, почему он привёл меня сюда... А ведь Айсван и сам похож на произведение искусства. И его грубый друг несколько не уступает ему в красоте, хоть она немного другая.

Я подхожу к окну и кладу руки на холодный каменный

подоконник. Отсюда открывается вид на огромный заросший двор внизу, а за ним — бескрайнее море леса. Деревья в основном голые, их чёрные ветви тянутся к свинцовому небу. Ветер стонет в башнях замка — одинокий, пустынный звук. Это пейзаж прекрасного запустения, картина безмолвия и упадка. Это не убежище. Это похоже на золотую клетку на краю света.

Глубоко вздохнув, я поворачиваюсь к двери. Коридор снаружи широкий и тёмный, его освещают редкие высокие узкие окна. Стены увешаны гобеленами, цвета которых выцвели до приглушённых синих и серых оттенков, а сюжеты изображают неузнаваемые мифы и давно прошедшие битвы. В воздухе пахнет пылью, старыми благовониями и вездесущим запахом сырого камня и разложения.

— *Наконец-то. Я уж думал, ты там уснула.* — Сразу за дверью я сталкиваюсь с Хаммондом... Он выше меня на две головы, из-за чего выглядит свирепым и неуступчивым. Однако я расплываюсь в улыбке, проводя кончиками пальцев по мягкой шали. — *Что?*

— Спасибо за одежду. Она прекрасно подошла. — Он молча открывает и закрывает рот на несколько секунд, смущённо фыркает и отворачивается в сторону коридора.

— *Идём. Я покажу тебе, где что находится: кухня и столовая.* — И делает большой шаг вправо, сразу отрываясь от меня на несколько метров, так что приходится его нагнать перебежками. — *Тц...* — Какой неоднозначный мужчина...

Недоволен, что приходится тратить время, но замедляется, чтобы мне было удобнее идти за ним...

Молчание напрягает лишь несколько секунд, пока внимание не привлекают виды за окном. Бескрайний простор леса, освещённый рассеянным солнцем, скрытым за тучами, создавая островки. Шум воды, становящийся всё более отчётливым, и запах реки, словно дворец стоит в её близости.

Передо мной тянется коридор замка — бесконечный лабиринт из полированного камня и витражного стекла, который переливается в лучах рассеянного солнечного света. Мой проводник — Хаммонд, если бы я осмелился обратиться к нему по имени, — движется впереди, словно тень, ускользающая из досягаемости. Он шагает широко и нетерпеливо, но, заметив, что я с трудом поспеваю за ним, без слов замедляет шаг.

Тск... Какой противоречивый эльф.

Тишина такая густая, что в ней можно захлебнуться, но тут моё внимание привлекают окна. За ромбовидными стёклами простирается лес — бесконечный, нетронутый, живой. Бледный солнечный свет пробивается сквозь облака цвета стали, отбрасывая на верхушки деревьев прерывистые тени, похожие на разбросанные угли. Где-то рядом есть вода; я слышу её — отдалённый шум, шёпот течения о камень. В воздухе витает странный и пьянящий аромат влажной земли и речного тумана.

Когда мы сворачиваем в следующий коридор, я едва не

теряю равновесие. Этот зал не такой. Свет здесь не просто проходит сквозь витражи — он танцует. Красные и золотые блики растекаются по полу, рисуя иллюзорные луга, где под вечным рассветом распускаются цветы. На мгновение цвета сливаются, образуя фигуры — деревья, цветы, смеющегося ребёнка, — а затем снова растворяются в абстракции.

Я выдыхаю, затаив дыхание.

Хаммонд наблюдает за мной краем глаза, его лицо непроницаемо. Он скрестил руки на груди, и свет камина играет на замысловатой вышивке его рукавов, заставляя нити светиться, как расплавленный металл.

Хранитель Замка...

Сколько же силы должно быть вложено, чтобы поддерживать такое место?

— Вы... живёте тут вдвоём? — И почему я сразу этого не поняла? Разве стали бы духи хранители так просто представлять перед незнакомкой, будь тут кто-то ещё? — Тут очень красиво.

— *Ты ещё ничего не видела.* — Щурит взгляд, который заставляет смутиться из-за своей наивности и поворачиваем в другой коридор. Однако ему, похоже, польстили мои слова. Уголки его губ дрогнули в улыбке. — *Кстати... Как твоё имя?* — хлопнув пару раз глазами, пожимаю плечами. Кажется, Айс тоже спрашивал имя, но...

— Я не помню. — закусываю губу, опуская голову... за спиной слышится шуршание одежды, а мимо пролетает

Мию...

В очередной раз завернув за угол, я восхищённо выгляжу. Перед нами винтовая лестница с витражом дерева на два этажа. Кажется, что сама лестница — часть этого самого дерева с разноцветной листвой. Восхитительно!

— *Что ж... Ты ведь не можешь без имени... Будешь Алсеидой. Похожа на нимфу и Айс нашёл тебя в Лесу.* — я немного спешиваю от такого неожиданного поворота и медленно киваю, принимая новое имя.

2 мая 2104 г

Алсеида

Передо мной раскинулся бескрайний лес — бесконечное полотно из зелени и зарождающейся коричневой листвы. Прохладный молочный туман медленно стелится между деревьями, цепляясь за нижние ветви, словно забытые тайны. Над самыми высокими кронами взлетела небольшая стая птиц, и их щебетание на фоне серого клубящегося неба стало ярким, но мимолётным контрапунктом глубокой тишине.

Меня обдаёт тёплым порывом ветра, словно призрачным прикосновением, и мои волосы рассыпались по лицу. Несколько тонких прядей, застревают у меня на губах и неприятно щекоча их, пока я тщетно пытаюсь смахнуть их пальцами.

Разозлившись, я сжимаю губы, пытаюсь поймать их, а затем с лёгким, почти незаметным скрежетом сдёргаю их зубами. Этого достаточно, чтобы я раздражённо выдохнула и на мгновение закрыла глаза, чтобы прийти в себя.

Я поднимаю взгляд, устремив его на хмурое небо, затянутое тучами. Возможно, сегодня будет дождь.

Постояв немного с запрокинутой головой, я снова закрываю глаза и, не колеблясь, сажусь на пол террасы у резных

перил, прислонившись спиной к прохладной каменной колонне. Я сгибаю ноги в коленях, кладу руки на них, а затем подпираю голову предплечьями, приняв знакомую позу для созерцания.

Это место, эти бескрайние просторы древнего леса завораживают своей первозданной красотой и безмолвной тайной. Но не величие пленяет меня, а глубокое чувство умиротворения, которое внушают эти виды, — безмятежное спокойствие, проникавшее в самую душу.

С моих губ срывается тяжёлый вздох — слишком громкий звук в окружающей тишине. Я открываю глаза и смотрю на далёкие верхушки деревьев, а затем перевожу взгляд террасу. Здесь стоит пару кованых стульев и небольшой каменный стол. Чуть дальше располагается кушетка, накрытая прозрачным балдахином, который обещает безмятежное укрытие от призрачной жары ещё не наступившего лета.

Здесь царит тишина. Но это не та мёртвая, отдающая эхом тишина, которую можно ожидать в месте, которое в просторечии называют «проклятым замком». Не было ни глухого звона в склепе, ни скорбного завывания забытых сквозняков.

Вместо этого тут царит настороженная, бездыханная тишина, словно кто-то затаил дыхание в ожидании. Он оседает на пылинках, которые танцуют в бледных, нерешительных лучах раннего весеннего солнца — солнца, которое всё ещё хранило мартовскую прохладу и с трудом побеждало глубо-

кий, гулкий холод древних каменных стен.

Кажется, даже робкая весна считала это место грозным.

Я знаю, что мне следует бояться. Быть ужасе от того где я и с кем. И всё же, сколько бы я ни вслушивалась в эту всепроникающую тишину, сколько бы ни ощущала пронизывающий холод, сколько бы ни понимала, что я, единственное живое существо в этих грозных стенах... я не чувствую ничего, кроме странного, сверхъестественного спокойствия. Почти утешительного умиротворения.

И это чувствовалось... привычным. Даже обыденным.

Мои дни проходят в медленных, бесцельных блужданиях по коридорам. Иногда я останавливаюсь и сажусь на широкий подоконник, глядя на бесконечный пейзаж внизу и пытаясь вспомнить формы, имена или чувства, которые упорно ускользали от меня.

В других случаях я, как и в этот раз, опускаюсь на полированный пол, позволяя себе заворожённо наблюдать за замысловатым танцем света в витражных окнах, на каждом из которых изображено какое-то простое, но красивое повествование, которое я не могу до конца понять.

Я могу провести так целый день, затерявшись в библиотеке, или просто лежать на огромной шёлковой кровати с утра до ночи, вставая только тогда, когда чувство голода становится слишком настойчивым, чтобы его игнорировать.

На самом деле неважно, что я выберу. Никто не упрекнёт меня, никто не будет ругать. И с одной стороны, я ощущаю

почти невообразимую свободу в этом существовании. С другой стороны... была звенящая пустота, острая боль, пронзавшая покой. Как будто никому нет дела до моей жизни, моего выбора, моего существования.

И кажется, что я уже не в первый раз убегаю от этой острой, мучительной мысли.

Спасение от этой странной боли, я нахожу в «Белой библиотеке», которую показал мне Айсван.

Она занимает три этажа... Нежность и чистота, которая там царит, неведомым образом отпускает тревоги, даруя ощущение уединения и безмятежности. Читать книги в таком месте — одно удовольствие.

Посреди неё растёт большое белое дерево с бело-розовыми листьями и чуть более насыщенными цветами, похожими на пионы — это истинная форма Айсвена. Его корни уходят глубоко под землю, а вокруг него расположен пруд святого источника.

В её тёплых и спокойных стенах царит живая тишина. Это тишина, наполненная тихим шелестом переворачиваемых страниц, приглушённым потрескиванием огня в огромном очаге и медленным, ровным ритмом моего собственного дыхания. Здесь гнетущая тишина замка превращается в мягкий, задумчивый гул.

И мысли о возможном прошлом, о девушке, которой я могла бы быть, отходят на второй план под чистым, ярким светом, лившимся из высокого арочного окна. Этот свет

освещает огромное пространство, уходящее вверх, полки, тянущиеся к сводчатому потолку, словно древние безмолвные гиганты, заставленные книгами — тысячами и тысячами книг.

В воздухе витает насыщенный аромат старой бумаги, выцветшей кожи, старинных чернил, воска мерцающих свечей и чего-то едва уловимо-сладкого — тонкий запах сушёной лаванды или цветов пионового дерева, почти незаметный цветочный шёпот.

Я провожу пальцами по корешкам бесчисленных книг, и знакомые тиснёные названия касаются моей кожи, словно старые друзья, приветствующие меня из бездны забытых лет. «Хроники Ледяной войны». «Плач последнего императора».

Я прочла их все. Точнее, она их прочла — та девушка, которой я была раньше, чьи воспоминания теперь кажутся далёким эхом.

Удобно устроившись в глубоком кресле, обитом бордовым бархатом, с тяжёлым томом в кожаном переплёте на коленях, я медленно переворачиваю хрупкие позолоченные страницы. Это история, или, точнее, хроника северной экспансии Эгленской империи.

Проза была сухой, даже бюрократической, но меня завораживают мельчайшие детали, взлёты и падения мелких королей, меняющиеся границы на древних картах. Мой взгляд скользит по элегантному, похожему на паутину почерку, каждая петля и изгиб которого свидетельствуют о давно

умершей руке.

Тихий звук, похожий на вздох, эхом разносится по комнате с высокими потолками, взметнув в солнечных лучах пылинки. Я не вздрагиваю. Я уже привыкла к его присутствию.

Я поднимаю глаза. Он снова тут, среди ветвей прекрасного пиона. Его широкие листья и огромные бледно-розовые цветы тянутся к сводчатому потолку. Айсван.

Его постоянно меняющаяся форма сотканная из бледных распускающихся лепестков, их нежный румянец отражается в слабом свете, который, кажется, исходит изнутри него. Изумрудные листья образовывали зелёную корону, а его мягкие сиреневые глаза, хранят мудрость бесчисленных времён года.

— Ты снова здесь... — выдыхает он. Его голос подобен шелесту ветра в древних листьях и отдаётся слабым эхом в тишине библиотеки. Я ловлю себя на том, что улыбаюсь, — редкое выражение для моего лица — и прислушиваюсь к мягкому, звучному тембру его голоса.

В последнее время замок меняется. Не в своих вековых камнях или изгибах стен, а в своём дыхании, в своих скрытых сердцах. Хаммонд, словно игривый дух, то и дело распаивает передо мной новые коридоры и комнаты, каждая из которых, по его мнению, обязательно должна меня заинтере-

совать. Тяжёлые двери, которые веками хранили молчание, теперь с шорохом распахиваются, открывая взору запылённые сокровища или давно забытые уголки.

Я подозреваю, что дело вовсе не в моём интересе. Скорее, это извечное соперничество, тень древних игр, которые разворачиваются под сводами этого замка. Он пытается показать себя лучше, чем Айсван. Или, может быть, проявить себя более расторопным, более... доступным.

Соревнуется с ним за моё внимание — забавно, не правда ли? Особенно если понимаешь, кто перед тобой на самом деле.

Эти двое, чьё существование измеряется не годами, а, кажется, целыми эпохами, ведут себя как дети, дерущиеся за игрушку. Разница лишь в том, что их «игрушки» — это неземные сокровища.

— *Алсеида!* — Хаммонд оказывается передо мной, столь неожиданно, что я даже вздрагиваю и медленно поднимаю глаза на шебутного духа, на лице которого расцветает шальная улыбка. — *Пойдём!* — упирает руки в бока и хитро щурится. — *Давай же! Хватит просто сидеть! Тебе понравится.* — Я медленно поднимаюсь, чуть морщась от того, что ноги затекли от долгого сидения. И это вызывает смех у эльфа. — *Так и быть, я открою тебе дверь в коридоре. Иначе ты не скоро дойдёшь до западного крыла.*

Это одно из странностей замка... Хаммонд, как его Хозяин способен открыть дверь в любую комнату... Даже если ты

будешь на верхушке башни, ты в один миг можешь оказаться в противоположной части замка, на первом этаже. Первое время это было слишком странно и необычно. Долго привыкала, но оно того стоило.

Правда такое происходит не часто. Когда Огненному хочется поскорей показать что-то. И если для него нет никакой выгоды, он тоже не станет сокращать тебе путь. Своенравный призрак.

Он распахивает передо мной дверь — массивную преграду из древнего дерева, инкрустированную замысловатым серебром, расположенную в глубине западного крыла замка. Тяжёлая, богато украшенная ручка, прохладная на ощупь, поддаётся со стоном, который вторит возрасту замка.

За ней оказывается небольшая музыкальная комната. Это неожиданная гавань, островок утончённой красоты в этом обширном, часто угнетающем каменном здании, полном тайн.

Лёгкий ветерок, доносящийся из открытого окна, колышет занавески. Он приносит с собой отчётливый аромат лета — жимолости и шиповника из садов внизу, смешивающийся с более глубокими, насыщенными ароматами старого дерева и полированного металла, доносящимися из самой комнаты.

Солнечный свет, яркий поток жидкого золота, льётся сквозь высокие арочные окна. Он освещает мириады пылинок, которые танцуют в лучах света, — крошечные частицы забытого времени, застывшие в вечном безмолвном танце.

Они мерцают, создавая почти волшебное, неземное сияние, как будто сам воздух здесь хранит тайны, которые можно увидеть.

В центре стоит рояль из чёрного дерева, поверхность которого отливает глубокой, почти жидкой тьмой, как гладь тихого, глубокого пруда. Он приковывает к себе внимание, безмолвный и могущественный наблюдатель.

Рядом, словно готовясь к выступлению в неземном оркестре, ждут другие инструменты: серебряная флейта, тонкая и изящная; арфа, чьи бесчисленные позолоченные струны ловят свет, словно сплетающиеся звёзды; и несколько других струнных и духовых инструментов, чьи формы смутно знакомы, но названия ускользают от меня. Здесь многое устроено подобным образом — проблеск узнавания, шёпот памяти, едва достижимый.

Я подхожу к фортепиано, словно меня тянет невидимая нить. Мои пальцы почти неосознанно скользят по гладкой, прохладной поверхности крышки из чёрного дерева. Она кажется невероятно шелковистой, древней и в то же время наполненной скрытой музыкой.

Меня ждёт мягкий бархатный табурет, и его подушка прогибается, когда я сажусь.

Медленным, размеренным движением я поднимаю крышку. Раздаётся тихий, приглушённый стук, когда она опускается, открывая идеальный, линейный ряд клавиш из слоновой кости и чёрного дерева. Они подобны дисциплинирован-

ному отряду древних воинов, собранным и готовым к бою, воплощающим в себе забытую историю.

Мои пальцы замирают, а затем опускаются на клавиши. В них нет ни колебаний, ни неуверенности. Это ощущение глубоко естественное, как будто именно для этого они и были созданы, как будто я была создана для этого. Как будто музыка — это не просто навык, которому нужно научиться, а неотъемлемая часть моего существа, дремавшая до этого момента и теперь пробуждающаяся.

Первые несколько нот звучат неуверенно, это тихое, пробное бормотание. Они похожи на прерывистое дыхание после долгого, глубокого сна. Но затем, когда я позволяю своим пальцам следовать их собственной воле, мелодия начинает раскрываться. Она начинается с простого арпеджио, нарастающего и затихающего потока звуков, а затем перерастает в серию аккордов.

Я играю то, что пробуждает во мне чувства, то, что диктует мне моё сердце, которое в этом месте часто звучит приглушённым эхом. Иногда звучит меланхоличная баллада, её глубокие, звучные басы подобны тяжким вздохам земли зимой, а нежные высокие ноты — это тонкий плач, шёпот ветра среди голых деревьев.

В других случаях музыка превращается в яркий, захватывающий дух каскад нот, быстрый и радостный, напоминающий стремительное движение горного ручья по отполированным камням или яркий, мимолётный танец искр от древ-

него костра.

Мои пальцы, лёгкие и проворные, порхают по клавишам. Они создают мелодичный каскад, который сначала наполняет эту маленькую светлую комнату, а затем разливается повсюду, проникая в самые камни замка.

Звуки просачиваются сквозь толстые стены, поднимаются по винтовым лестницам, словно лёгкий туман, ласкают выцветшее величие древних гобеленов и, наконец, достигают самых укромных, покрытых пылью уголков этого неподвластного времени места.

Это странное ощущение — наполнять такое древнее, безмолвное пространство чем-то новым, живым. Иногда я задаюсь вопросом, слышит ли меня сам замок, бьётся ли его каменное сердце чуть быстрее в ритме моей музыки.

16 мая 2104 г

Алсеида

Почти незаметное изменение в воздухе, некая томность в дуновении ветра возвещают о медленном, размеренном приходе лета. Это не внезапный всплеск жары, а постепенное смягчение, насыщение зелени, более насыщенный аромат, разносимый ветром.

С этим плавным переходом мои дни становятся длиннее и теперь простираются далеко в сад. Вечера, проведённые за чтением, наполненные забытыми историями, и утренние чаепития с травяными отварами всё чаще проходят среди буйного цветения роз и тихого шелеста вековых деревьев.

В этих безмятежных объятиях меня порой охватывает странная тоска. Это безымянное чувство, проблеск полузабытья — призрак жизни, которую я не могу вспомнить, прошлое, которое кажется одновременно таким близким и таким далёким.

Подобно мотыльку, пойманному в ловушку за стеклом, я чувствую его присутствие, но не могу по-настоящему осознать его. И всё же по большей части я живу настоящим, позволяя тихим ритмам замка и красоте сада окутывать меня, наслаждаясь беззаботным одиночеством.

Последние несколько дней Айсван то исчезает, то появляется с недовольным и встревоженным выражением лица. Попытка узнать причину ничего не даёт. Мне только мягко сообщают о том, что подозрительные люди то и дело шныряют где-то в окрестностях Замка.

Доверия у Хаммонда и Айсвана они не вызывают.

Что ж... Наверное в этом есть какой-то смысл... С учётом истории этого места, на вряд ли кто-то будет искать его для добрых дел.

Перед глазами тут же предстаёт тот самый Тронный зал, который находится с противоположной стороны от Библиотеки.

Тёмный, хотя в него проникает много света. Обтрёпанные и выцветшие гобелены добавляют могильного антуража... Не спасают ситуацию ни высокие окна с витражами, изображающими небо и землю, ни прекрасные растения, которые увиты колоннами до самого потолка второго этажа.

На самом деле этот тронный зал — произведение искусства. Дух захватывает от возможности пройти по нему. Представить, как это место наполняется звуком мелодий, как танцевали гости, пили вино, праздновали... Возможно, заключали союзы или проводили пышные свадьбы.

Всё бы ничего... если бы не трон из чёрного дерева... Чистый, как будто его только что протёрли... Возможно, это и есть физическое воплощение Хаммонда. Странно, что он рыжий. А ещё от него исходит настолько мощная тёмная

аура, что находиться рядом с ним ближе, чем на десять метров, невозможно.

Удивительно... такие разные и завораживающие.

Мотнув головой, возвращаюсь из воспоминаний, берясь за ручку двери и открыв её застываю...

Похоже сегодня Хаммонд решил разнообразить моё утро, открыв дверь моей комнаты не в сад, а на ступени винтовой лестницы, которые уходят куда-то вверх. Видимо это одна из башен, которые я видела из окна.

— *И долго тебя ждать?* — Он материализуется у подножия лестницы, его обычно спокойные черты искажаются в раздражённой гримасе, а в серебристых глазах мелькает нетерпение. — *Быстрей, а то всё пропустишь.* — Прежде чем я успеваю ответить, он растворяется в тени, и его фигура исчезает в темноте.

Эта его привычка — распахивать двери в неизвестность, даже не предупредив, — приводит меня в бешенство. Я бесчисленное количество раз выражала своё недовольство, объясняя, что его внезапные порталы дезориентируют и что пребывание в его владениях кажется совершенно непредсказуемым. Но мои слова, словно нежные цветы, разлетающиеся от порыва ветра, просто проходят сквозь него, не будучи услышанными и не привлекая его внимания.

Воистину, страж замка.

Я вздыхаю и, приподняв подол платья, ступаю на холодный камень.

Воздух вокруг меня меняется, становясь прохладнее и тяжелее с каждым шагом вверх. Он несёт в себе землистый запах сырых древних камней, минеральную терпкость, смешанную с отдалённой сладостью цветущих полевых растений, которые упорно цепляются за стены башни.

По мере того как я поднимаюсь, ветер усиливается, треплет мои волосы, выбивая пряди из кос, и нашёптывает невидимые тайны сквозь узкие щели в грубой каменной кладке. Их голоса звучат как тысяча забытых предостережений.

К тому времени, как я добираюсь до вершины, ветер превращается в ревущий поток, который бьёт по лицу с такой силой, что я инстинктивно щурюсь и поднимаю руки, чтобы защититься. Это настоящее физическое нападение, безжалостная невидимая рука, которая давит мне на грудь, угрожая перехватить дыхание.

Моё шёлково-льняное платье, каким бы красивым оно ни было, почти не защищает. Камень под моими тапочками кажется скользким от влаги, принесённой ветром, или, возможно, от холодного сырого воздуха.

Мне требуется мгновение, чтобы осторожно отодвинуться в сторону и прижаться спиной к грубому, ледяному камню. Я выпрямляюсь, нахожу опору в неподатливой скале, а затем медленно, осторожно открываю глаза.

От открывающегося передо мной зрелища у меня перехватывает дыхание — не резко, а медленно, изысканно, оставляя в груди гулкую пустоту.

Безграничное небо пробуждается не нежным румянцем первого мазка художника, а грубым, первобытным всплеском цвета. Это полотно, на котором глубочайший, синева-то-фиолетовый цвет предрассветного неба сменяется полосами яркого аметиста и огненно-красного.

Там, где далёкие зубчатые вершины гор встречаются с горизонтом, разливается расплавленное золото, возвещающее о скором появлении солнца. Вершины, обычно суровые и серые, теперь ожили, засияли внутренним светом и кажутся ближе, интимнее, окутанные растущим великолепием.

Я прислоняюсь к разрушенной амбразуре, чьи неровные, осыпающиеся края резко контрастируют с бархатистой мягкостью зарождающегося неба.

Я совершенно очарована. Я видела столько рассветов из огромных окон замка, с просторной террасы, с которой открывается вид на отвесную скалу и бурлящее внизу зелёное море деревьев. Но этот... этот рассвет другой.

Возможно, он более первобытный. Его меньше замечаешь, но сильнее чувствуешь.

Как будто я стою на самом краю мира, между угасающей ночью и расцветающим днём, между землёй и небом.

Внизу, под бесконечным лесом, тёмным волнистым покрывалом, постепенно начинают проступать зелёные и коричневые тона по мере того, как усиливается свет. Бледный туман, похожий на забытый сон, окутывает долины и низины, придавая возникающему пейзажу неземную красоту.

Воздух, хоть и пронизывающий, наполнен чистым, терпким ароматом сосны и влажной земли, пробуждающим чувства, которые, как я и не подозревал, были притуплены. Тишина, нарушаемая лишь яростным порывом ветра, глубока. Эта тишина говорит о древних вещах и забытых тропах.

Я чувствую странную связь с этим местом, этой башней, этим моментом — как будто я всегда был здесь или, возможно, мне всегда было суждено найти это место. Холодный камень у меня за спиной успокаивает, придавая сил перед лицом ошеломляющих масштабов разворачивающегося мира.

По моей спине пробегает дрожь, не связанная с холодом. Это трепет, вибрация чего-то древнего, что шевелится глубоко внутри меня, вторя пробуждению мира. Моя жизнь в замке с его размеренным укладом и тихими коридорами кажется далёкой, почти нереальной на фоне этой пропасти. Здесь мир необуздан, дик и поразительно реален.

Неожиданное движение отрывает от восхищения. Что-то мелькает в быстро светлеющем небе. Что-то огромное и гладкое, невероятно быстрое и ужасно опасное.

Из угасающих сумерек отделяется тень, превращаясь в существо из забытых легенд, кошмарное создание, покрытое кожаной чешуёй. Массивные крылья, похожие на грозовые тучи, перевитые сухожилиями и когтями, рассекают воздух с бесшумной, неудержимой силой урагана.

Его голова, змееподобная, увенчанная зловеще изогнутыми рогами, поворачивается с плавной грацией, а тусклая

бронзовая чешуя зловеще мерцает в первых лучах восходящего солнца. Огненные глаза, две трещины в расплавленном ядре, впились в меня, прожигая саму мою душу.

Виверна. Не одна, а пара.

Мой взгляд следует за грозным дуэтом и останавливается на углублении в обрушившейся крыше башни — гнезде, выдолбленном среди острых, крошащихся камней и полуразрушенной кладки. Там, неуклюже устроившись, сидят два детёныша виверны, которые меньше и неповоротливее своих родителей.

Их чешуя покрыта серыми пятнами, движения нескоординированные и неуклюжие. Они вытягивают шеи и тихо пищат, но их маленькие голодные крики уносит ветер, и они не достигают моих ушей.

Грубая, необузданная сила взрослых уравнивается неожиданной уязвимостью детей, создавая диссонанс, который находит отклик глубоко внутри меня.

Взрослые виверны снова кружат над нами, и на мгновение их огромные тела заслоняют солнце, отбрасывая внезапную леденящую тень на парапет. От их размеров и древней силы, которую они олицетворяют, моё человеческое сердце бешено колотится в груди.

Я остро ощущаю свою хрупкость, свою ничтожность перед лицом таких существ. Однако в их взгляде нет злобы, только первобытная настороженность.

Одна из взрослых виверн приземляется с глухим стуком,

от которого дрожат камни под моими ногами. Её огромные когти впиваются в осыпающийся край гнезда, голова поворачивается, и между древним зверем и его детёнышем происходит безмолвный обмен информацией.

Второй родитель ещё мгновение парит в воздухе, его кожистые крылья рассекают воздух со звуком, похожим на отдалённый раскат грома, прежде чем он тоже опускается рядом со своей парой. Они великолепны, ужасны и совершенно завораживают.

Я стою, прижавшись к холодному камню, и молча наблюдаю за этим священным, древним моментом. Ветер треплет мои волосы, забивая глаза, но я не отвожу взгляда. Мир вокруг меня кажется необъятным, полным нерассказанных историй и невиданных чудес.

Восходящее солнце заливает всё вокруг яростным золотым светом, подчёркивая замысловатые узоры на чешуе виверн, острый блеск их глаз, мощные изгибы их рогов. «Птенцы», осмелевшие в присутствии родителей, начинают пищать громче...

По моей спине пробегает дрожь, но не только от холода.

Великолепие рассвета, которое ещё несколько мгновений назад так завораживало, теперь было полностью затмлено волной моего раздражения.

Как он мог? Как Хэммонд, знающий все тайны замка, мог подвергнуть меня такому первобытному, ужасающему испытанию?

Рассвет может и прекрасен, но я вполне могла обойтись без такого сомнительного и потенциально смертельного знакомства.

Каждая клеточка моего тела кричит об опасности, инстинкты, которые я не успела осознать, пронзают меня насквозь. Я чувствую этот глубокий, животный страх, который пробирает до костей, и он мне не знаком. Меня словно вырвали из уютного кокона и бросили в бездну.

Один из детёнышей, ещё не достигший полного размера, но уже внушительный, поднимает голову и издаёт пронзительный тонкий визг, который тут же заглушается более низким ворчанием взрослой особи. Его глаза, точная копия глаз родителей, тоже устремлены на меня. Я чувствую, как сжимается моё сердце, а ладони покрываются холодным потом. Они не просто наблюдают. Они оценивают. И ждут.

Бросив последний настороженный взгляд на семейство виверн, чьи огненные глаза по-прежнему прикованы ко мне. Я медленно отступаю к выходу и боком начинаю спускаться по узкой винтовой лестнице, ведущей вглубь замка.

Каменный выступ под моими сапогами кажется предательски ненадёжным, а каждый скрип камня эхом отдаётся в голове. Ступенька за ступенькой я спускаюсь по тускло освещённым коридорам. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь редкие бойницы, кажутся далёкими и нереальными, принадлежащими другому, более безопасному миру, который, как оказалось, был лишь иллюзией.

Моя грудь тяжело вздымается, каждый вздох даётся с трудом, но я борюсь с паникой. Я спускаюсь, стараясь сохранять внешнее спокойствие, хотя внутри меня бушует настоящий ураган из страха и негодования.

Я нахожу Хаммонда там, где и ожидала его увидеть, — на промежуточной площадке широкой лестницы. Он выглядит как всегда — безупречно, словно высеченным из солнечного света. Его тонкие черты лица и безмятежный взгляд контрастируют с хаосом, царящим в моей душе. Его одежда, сотканная, кажется, из воздуха и теней, едва колыхнется, хотя сквозняка здесь нет.

— Хаммонд, — говорю я напряжённым, но тщательно контролируемым голосом, подходя и останавливаясь на ступеньку выше него, вынуждая его встретиться со мной взглядом. — Это было... ужасно. — Все эпитеты, вся красота расцвета, весь ужас встречи — всё это уместается в одном неподходящем слове. — Ты знал, — поджимаю губы, сжимаю кулаки, в попытке сдержать накатывающие эмоции. Он не выглядит ни виноватым, ни раскаивающимся. — Ты знал, что там живут виверны. Это тебя они не тронут... — Мой голос становится чуть громче, в нём проскальзывают истерические нотки... Ярость, которая подкатывает к голове, моментально отступает, стоит только уловить в его образе рябь...

Бессмысленно злиться на мёртвого.

Хаммонд, с его вечным отстранённым существованием, вероятно, не видит реальной угрозы. В его желании поде-

литься скрытыми красотами замка была некая спонтанность, отсутствие предусмотрительности, вызванное его собственным иммунитетом.

К тому же...

Законы хищника и жертвы на него не распространяются. Он — часть ландшафта, и виверны, вероятно, чувствуют это так же, как чувствуют камень, который является их логовом. Он не пища и не угроза. Он просто есть. И потому он не может понять, что для меня, живого существа, со всеми моими инстинктами и хрупкостью, их присутствие — это чистый, первобытный ужас.

Мгновение между нами царит тишина, нарушаемая лишь моим прерывистым дыханием и лёгким эхом, которое, кажется, доносится из самых глубин замка.

И всё-таки этого понимания и осознания не достаточно, чтобы заглушить тот холодный, липкий страх, который всё ещё сжимает горло. Моё сердце колотится от остатков адреналина, и каждый нерв до сих пор натянут до предела.

И образ этих хищных глаз оставляют глубокий след обиды.

— Прости меня, — выдыхает он, и на его лице мелькает печаль, словно тень, скользнувшая по залитому восходящим солнцем полю.

Его глаза, обычно такие светлые и пронзительные, на мгновение темнеют, отражая что-то, чего я не могу понять. Это не совсем раскаяние, скорее осознание того, что его мир,

такой прозрачный и безопасный для него, полон боли и опасности для других.

Его лицо так же быстро меняется, и на нём появляется знакомая хитрая улыбка — лукавый, понимающий изгиб губ. Он поворачивается и указывает на только что открывшуюся дверь, которая до этого была просто частью ничем не примечательной каменной стены. Теперь она пульсирует мягким, переливающимся светом, и за ней я вижу мерцающий портал, ведущий... куда-то ещё.

Я вздыхаю — долгий, усталый выдох, который успокаивает мой гнев, медленно растворяя его в осознании неизбежности.

Я толкаю дверь, в надежде, что меня встретит привычная обстановка моих покоев, может быть, даже моя кровать, где я смогу укрыться от этого внезапно разбушевавшегося мира, от шока и страха. Я надеюсь на тепло знакомого очага, на мягкость ткани, на самую обыденность.

Но вместо этого я застываю на месте, глядя на ту самую башню откуда только что спустилась. Виверны посматривают в мою сторону из дыры в стене с явным подозрением... А я просто выдыхаю, не в силах никак противиться Хранителю, который решил довести задумку до конца. К тому же тут уже стоит стол с накрытым завтраком и удобное плетёное кресло с подушками и пледом.

— Красиво. — возможно, вид отсюда не такой грандиозный, но гораздо более безопасный.

Детёныши, эти неуклюжие растущие комочки рептильного любопытства. Узнав о моём существовании получили прекрасную мотивацию выбраться из гнезда...

Наверное, они думали, что их передвижения незаметны. Но внезапный шорох в зарослях древнего плюща, упрямо цепляющегося за северную стену. Вспышка тусклых зелёно-коричневых чешуек среди листвы. Затем пара огромных умных глаз, наблюдающих за мной из тени.

Они ещё слишком малы для настоящего полёта, их движения представляют собой неуклюжую смесь прыжков и взмахов крыльев, но при необходимости они развивают поразительную скорость.

Свист!

Внезапное падение с разросшегося дуба, крошечные когти вытянуты, чтобы напугать, пусть и не причинив вреда. Даже зная о их присутствии, я вздрогнула, вырываясь из какого-то транса. Заметив мою реакцию они тут же скрылись в ближайших кустах. Их намерения очевидны: провоцировать, играть, проверять границы своих возможностей.

Они больше похожи на чудовищных чешуйчатых котят, полных безграничной энергии и совершенно не обращающих внимания на моё спокойное созерцание.

Не смотря на собственное любопытство, я не предлагаю

угощения и не глажу их — глупая затея с существами, которые однажды сравняются с лошадьми по размеру и свирепости. Тем не менее моя молчаливая терпимость и то, что я продолжаю находиться в саду, несмотря на их выходки, похоже, привели к неожиданным и быстрым последствиям.

Начались «подарки».

Я редко бываю на кухне. В основном моим пропитанием занимается Хаммонд. Я пару раз пробовала предложить свою помощь, будучи уверенной, что у меня получится. Всё-таки он и Замок поддерживает в чистоте и тепле, развлечения мне придумывает, а тут ещё и готовит. Но он лишь недовольно зыркнул, чем на раз отбил всякое желание помогать. Зато присутствовать во время готовки не возбранялось.

— *Кажется, сейчас что-то будет.* — поворачивается в сторону стеклянных дверей, выходящих на центральный двор.

Проходит всего несколько минут после замечания Огненного, когда со двора раздаётся удар и тошнотворный, сотрясающий кости грохот, который эхом разнёсся по замку. Я выбегаю на улицу с бешено колотящимся сердцем и едва успеваю остановиться...

В центре лежит великолепный олень с неестественно вывернутой шеей и нелепо растопыренными ногами. Под его

головой растекается тёмная лужа. Это массивное существо, мяса которого хватит на несколько недель, но при виде его изуродованного тела и силы удара, который оно получило, у меня по спине побежали мурашки.

— Кажется, мне плохо... — прикрываю рот рукой, стараюсь сдержать позыв, приходится плотно закрыть глаза и вдыхать медленно-медленно...

— *Мда. Разделка будет суицим кошмаром.* — мужчина зарывается в волосы, уперев одну руку в бок... — *Все кости раздроблены.*

— Может... Это они себе? — я с надеждой ожидаю, что виверны съедят собственное подношение, но они лишь один раз покружили над ним, на мгновение затмив солнце своими тенями, а затем вернулись в свою обитель на вершине восточной башни.

— *Что у вас тут происходит?* — на пороге появляется Айсван и шокировано застывает на проходе во двор... — *Так это правда...* — он выдыхает и смотрит представившуюся картину так, словно его это неимоверно раздражает. Всего на мгновение он исчезает, чтобы появиться вновь. — *Они решили накормить тебя, чтобы ты не забредала на их охотничьи угодья.*

— Всего лишь? — честно сказать первой мыслью было то, что они решили откормить меня, чтобы потом съесть... Но раз дело не в этом...

12 июня 2104 г

Алсеида

Солнце висит в небе, как расплавленная монета. В воздухе витает густой аромат сосновой смолы и садового разнотравья, почти убаюкивая. К тому же прохлада со стороны реки, только подстёгивает к тому, чтобы обустроить себе уголок для дневного сна.

Но, среди этого спокойствия меня не оставляет тревога.

Хоть теперь в моём рационе появилось свежее мясо... И по идее я должна быть счастлива... Мысль о том, что все последующие доставки будут выполнены в таком же духе, ужасают. Даже спустя несколько дней, при взгляде на мясо, пусть уже приготовленное, в голове всплывает картина «отбивной».

Что ж... стоит ли винить охотников в отсутствии изящества в подаче добычи? Даже звучит глупо, учитывая, что охотники дикие виверны. Стоит радоваться, что они сразу не разорвали меня.

Может стоит подумать о каком-то ковровом настиле из шкур, чтобы смягчить падение? Или натянуть гамак? Или что-то ещё?

Откинув голову на спинку резной скамьи, наблюдая за

небом, затянутое мозаикой из бегущих облаков, я вздрагиваю, когда в воздухе раздаётся низкий гулкий рёв. Я прикрываю глаза от солнца, и увижу его: взрослого дикого кабана, которого сжимает в когтях самец виверны.

У меня перехватывает дыхание...

И он явно намеревается скинуть эту тушу прямо в сад...

У меня сердце уходит в пятки, от паники. В голове пронеслась картина: удар кабана, отвратительный треск, неизбежное кровавое месиво, а брызги внутренностей разлетаются во все стороны.

Нет! Только ни это! Я не хочу наблюдать эту картину снова!

Я дёргаю рукой, не знаю зачем. В голове вспыхивает картинка плетённого гамака. Это было взрывное, почти яростное разрастание. Толстые древние лозы, обычно такие спокойные и укоренившиеся, внезапно оторвались от камня и вытянулись, как нетерпеливые конечности. Они извивались, скручивались и удлинялись с невероятной скоростью, образуя в воздухе зелёную сеть. Листья, обычно тускло-зелёные, пульсировали почти радужным сиянием.

Как только кабан, оказывается в нескольких метрах от земли, усики плюща метнулись вперёд и поймали его. Они обвиваются вокруг туши, смягчив колоссальную силу удара при падении, а затем медленно и грациозно опускают её на каменные плиты с тихим стуком, целая и невредимая.

Мои руки, всё ещё вытянутые в этом странном, неосо-

знанном жесте, покалывает от незнакомой энергии. Листья плюща, которые ещё несколько мгновений назад светились, медленно приобрели свой естественный оттенок, втянули свои вытянутые усики и снова прикрепились к стене, как будто ничего не произошло.

В саду царит гробовая тишина. Виверы исчезли, вернувшись в свою башню и потеряв всякий интерес к доставленной добыче. Кабан лежит там, нетронутый. Я смотрю на него, потом на свои руки, потом снова на плющ, и меня охватывает дрожь и я медленно оседаю обратно на скамейку, прижимаясь лбом к прохладному дереву.

— Что это было? — шепчу, и мой голос едва слышен из-за бешеного стука сердца.

Плющ подчинился мне. Я позвала его. Воспоминания всплывали в памяти: ощущение мха под ногами, запах сока в воздухе, шёпот корней, шевелящихся под землёй. Я никогда не учила этот язык, но он вернулся ко мне, как будто всегда был моим.

— *Айсван?* — задумчивое бормотание Хаммонда разрывает оглушительную тишину. Он стоит в беседке, глядя на меня прищурившись от любопытства. Он чешет подбородок, переводя взгляд с кабана на плющ и наконец на меня.

Я поворачиваюсь к нему, всё ещё не в силах вымолвить ни слова, всё ещё дрожа от отголосков той силы, что прошла сквозь меня.

— *Хм,* — отвечает Айсван тихим, почти неслышным го-

лосом и я снова вздрагиваю от неожиданности. Всего секунду назад его тут не было, а теперь он стоит рядом с Хаммондом и тут же исчезает.

— А... — я хочу что-то сказать или спросить, но ничего больше из рта не вырывается и я просто замолкаю, вновь погружаясь в тишину безмолвия, ощущая себя в какой-то прострации.

Мгновение. Удар сердца.

Он стоит прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки, держа какой-то предмет. Похож на сферу, сделанную из тёмного, узловатого дерева, гладко отполированного, но сохранившего органическую текстуру древней коры.

Она пульсирует внутренним тёмно-зелёным светом, как изумруд в янтаре. Филигранные узоры, похожие на нежный серебристый мох, покрывают его поверхность замысловатыми узорами, время от времени вспыхивая крошечными, почти незаметными искрами. Он гудит, и эта низкая вибрация в большей степени ощущается телом, чем воспринимается на слух.

— *Положи руку и представь, как от тебя исходит поток энергии.* — он протягивает мне артефакт, столь настойчиво, но я только и могу, что переводить с шара на него растерянный и вопросительный взгляд. — *Он покажет есть ли в тебе магия и какая она.*

Моя рука всё ещё покалывает от использованной силы.

Магия. Я читала о ней в трактатах, потому что... мысль о

ней вызывает смешанные чувства: желание, разочарование, беспокойство и грусть. Среди этих эмоций мелькает что-то схожее с тихой завистью... словно я очень долго наблюдала, как кто-то другой легко использовал эту силу... А я не могла.

Я медленно поднимаю руку. Воздух кажется густым, как патока.

— *Не бойся.* — едва слышно произносит Хаммонд. В его голосе нет привычной насмешки, только странная, несвойственная ему серьёзность. — *Тьма пугает только тех, кто не знает, что она может дать.*

Я касаюсь сферы.

Сначала — ничего. Лишь холод гладкого дерева. Но потом... потом сфера отзывается. Она не просто вибрирует — она «вдыхает» моё прикосновение. Я чувствую, как из кончиков моих пальцев вытягивается невидимая нить. Это не больно, но вызывает ощущение ошеломляющей наготы.

Внутри сферы изумрудный свет приходит в неистовое движение. Тёмно-зелёные всполохи начинают вращаться, образуя воронку. Серебристые узоры мха на поверхности вспыхивают ярким, ослепляющим светом, и я вижу, как от моих пальцев по дереву расходятся тонкие прожилки живого пульсирующего золота.

Внезапно всё вокруг меняется. Я чувствую каждую травинку на многие мили вокруг замка. Я чувствую, как в лесу, далеко за стенами, сова впирается когтями в ветку дуба. Я чувствую, как глубоко под землёй корни старой сосны обви-

вают холодный камень. Это не просто сила — это связь. Тяжёлая, неразрывная связь со всем живым, что дышит, растёт и умирает.

Сфера в моих руках начинает нагреваться. Гудение переходит в торжествующий звон.

— *Природа не бывает доброй или злой, Алсеида,* — голос Айсвана звучит откуда-то издалека, хотя он стоит рядом. — *Она просто существует. И теперь ты — её голос.*

— *А-алсеида...* — Хаммонд дёргается, как от удара, немного пятится назад, застывая в какой-то несуразной позе. Я смотрю на него немного удивлённо, пока не осознаю, что постепенно его образ расплывается перед глазами. — *Подожди... Ты чего расплакалась?! Айсван?! —* он беспомощно смотрит из стороны в сторону в отчаянной попытке что-то придумать...

А я...

Внутри меня что-то надломилось. Не сломалось, а именно надломилось — старая, затянувшаяся рана наконец-то дала выход всему, что копилось внутри.

Облегчение, острое и всепоглощающее, смешивается с растерянностью от этого нового, незнакомого чувства, а из самой глубины, вырывается дикая, неконтролируемая радость. Словно случилось что-то не просто необыкновенное, а невероятно, важное.

Словно моя самая сокровенная, самая безумная мечта, которую я боялась даже назвать мечтой, наконец осуществи-

лась. То, чего я желала долгие-долгие годы и никак не могла получить, сколько бы трактатов ни прочла, сколько бы ночей ни провела над свитками, пытаясь силой воли заставить что-то произойти.

— Я — маг... — шепчу я, и мой голос звучит хрипло и непривычно. Я повторяю это слово, уже громче и увереннее, ощущая его вкус на языке, такое простое и такое невозможное. — Я — маг. — не знаю что в этом такого... Но случившееся открытие, кажется мне чем-то невероятно важным. Тем, что я ждала всю жизнь и никак не могла получить...

Дрожь в пальцах наконец стихает, оставив после себя лишь странное, тягучее онемение. Я делаю глубокий вдох, и мои лёгкие обжигает ароматом сырой земли, хвои и чего-то ещё — острого, металлического. Крови.

Хаммонд уже убрал тушу кабана.

Там, где ещё час назад лежало мёртвое животное, теперь зияла пустота, присыпанная сухими листьями. Накрыл на стол и просто сидит поодаль, стараясь не смотреть в мою сторону. Айсван тоже рядом, смотря куда-то в глубь сада.

— *Ты должна поесть, Алсеида,* — голос Хаммонда звучит глухо, как раскаты далёкого грома. Он по-прежнему не поднимает глаз, разглядывая свои широкие ладони.

Я вытерла лицо краем рукава, чувствуя, как на щеках вы-

сыхают солёные дорожки от слёз. Я смотрела на свои руки — бледные тонкие пальцы, в которых ещё час назад пульсировала неведомая сила, вибрирующая в такт биению чужого сердца.

Внутри меня всё ещё бушует хаос — смесь страха, восторга, отвращения и невыносимой, всепоглощающей тоски по прежней, нетронутой реальности. Новое ощущение подобно вечно открытой ране, через которую мир вливался в меня без фильтров и преград.

Магия... Она ощущается в теле странной, немного чужеродной субстанцией, к которой ещё предстоит привыкнуть.

Но уже сейчас я могу перекачивать звуки на языке, ощущать прикосновение ароматов к коже, как нежные, но порой слишком настойчивые ласки. Вижу ветер не как движение листвы, а как мерцающие потоки энергии, струящиеся сквозь кроны деревьев, несётся вместе с ним, ощущая его невесомую мощь.

Мир, который раньше казался мне знакомым и упорядоченным, теперь наполнен пульсирующей жизнью, которую я ощущал каждой частицей своего существа: каждой травинкой, каждым камнем, каждым вздохом...

В книгах, которые я читала, говорилось, что чаще всего маги познают суть своей магии через внутренний мир. Буквально. Это похоже на строительство цитадели для своей души, где энергия стихии становится послушным инструментом.

Если твоя стихия — ветер, то внутренний мир будет находиться среди неба и облаков, где мысли и намерения формируют воздушные потоки. В зависимости от настроения среди них будет появляться молния, грохочущая и яркая, — проявление внутреннего гнева или силы.

Если это вода, то водная гладь, безмятежная и отражающая небеса, или бездонные морские глубины, где скрыты тайны и древние силы. Земля — это пещеры и горы, незыблемые и могучие, отражающие стойкость и фундаментальность мага. Огонь — это вулканы, бушующие и непредсказуемые, пышущие яростью и творческой энергией.

Для таких магов внутренний мир — это их трон, их лаборатория, их убежище. Место, где они полностью властвуют над своей силой, формируют её и направляют во внешний мир.

Но у магов природы не формируется внутренний мир. Вместо этого они начинают ощущать себя частью окружающего мира: деревьев, почвы, рек, ветра, температуры, животных... Абсолютно всё, что можно назвать природой, становится продолжением их собственного существа.

Это не строительство цитадели, а растворение барьеров. Это не повеление стихией, а становление самой стихией.

Чтобы раскрыть подобный потенциал, маг должен обладать высоким уровнем самосознания и воли, чтобы случайно не раствориться в окружающем мире, не стать ещё одной каплей в бескрайнем океане бытия, потеряв свою индивиду-

альность.

Поэтому магов природы очень мало.

Если потенциал раскрывается в детстве, то чаще всего они становятся причиной многих трагедий и бедствий.

Представьте себе ребёнка, чья ярость вызывает внезапный ураган, а горе превращает некогда плодородные поля в безжизненную пустошь. При любом эмоциональном всплеске вполне может разразиться стихийное бедствие, неконтролируемое и разрушительное.

Поэтому таких детей сразу отдают сильным магам из благородных семей или хранителям, чья задача — не учить, а сдерживать. На некоторых надевают сдерживающие артефакты, подавляющие их силу и превращающие их в подобие живых тюрем.

В общем, детство у таких детей не очень хорошее — они растут изгоями, боятся собственных чувств, постоянно чувствуют себя опасными для мира и для самих себя.

Те, кто обретает силу в более осознанном возрасте, проходят обучение легче. Они уже способны контролировать свои эмоции и понимать последствия своих действий. Они поступают в Академию, получают личного куратора и начинают постигать знания о природных процессах и явлениях, изучая циклы жизни и смерти, тонкие нити равновесия.

Впрочем, им тоже не позавидуешь. Их жизнь — это постоянная борьба за самосохранение, за сохранение своей индивидуальности, за то, чтобы не утонуть в бесконечном мно-

гоголосии мира.

И тут можно задаться благоразумным вопросом о том, в чём разница между стихийным магом и природным магом... Ведь на первый взгляд кажется, что и то, и другое не сильно отличается друг от друга... Но это не так.

Стихийный маг, будь то маг ветра или воды, огня или земли, управляет своей стихией подобно великому музыканту, играющему на инструменте. Он извлекает из неё энергию, формирует заклинания, направляет её во внешний мир.

Он стоит над стихией, используя её как инструмент для достижения своих целей. Его внутренний мир — это дирижёрская площадка, где он репетирует и оттачивает свои навыки, где его воля формирует потоки силы.

Он может призвать бурю, но сам не станет этой бурей. Он может заставить землю содрогнуться, но он не почувствует каждую трещину в коре планеты. Его сила — это направленный удар, сфокусированный и точечный. Он манипулирует внешним.

Маг природы совсем другой.

Он подобен не дирижёру, а самой симфонии. Он не управляет природой, он становится природой. Его сила исходит не из него, а через него.

Когда я вижу ветер, я не призываю его, я чувствую его, как собственное дыхание, как движение крови в собственных венах. Когда я вдыхаю аромат земли, ощущала саму структуру почвы, её влажность, минеральный состав, её историю.

Разница между стихийным и природным магом — это разница между тем, кто натягивает тетиву лука и стреляет, и тем, кто является самой стрелой, летящей к цели. Стихийник — это воля, применённая к материи. Природный маг — это сознание, растворённое в материи.

Именно поэтому путь природного мага так тернист и опасен.

Стихийник всегда остаётся собой, пусть и в могущественной ипостаси.

Природный маг рискует потерять себя, раствориться в бесконечном эхе лесов, в неумолимом течении рек, в безмолвном росте гор.

Я смотрю на свои тонкие пальцы, на которых, кажется, всё ещё мерцают фантомные отголоски той неведомой силы.

Хаммонд, должно быть, чувствует это.

Айсван, устремивший взгляд в глубину сада, безусловно, всё понимает.

17 июня 2104 г

Алсеида

— *Доброе утро.* — я открываю глаза и тут же зажимаю глаза от неожиданности, увидев вместо привычного белого потолка любопытные янтарные глаза, с проблеском беспокойства. Слишком близко. — *Ты нас здорово напугала.* — Хаммонд пользуясь тем, что на него законы гравитации не действуют, нависает над моей постелью в полный рост, сложив руки на груди. Выглядит по меньшей мере странно.

— Что случилось? — чуть хриплю, пытаюсь сообразить, как выбраться из этой щекотливой ситуации. Лежать под пристальным взглядом этого мужчины, не очень комфортно.

Хаммонд, словно прочитав мои мысли, тут же отлетает в сторону, позволяя мне приподняться на локтях, ощущая неприятную слабость в мышцах.

— *Не помнишь...* — Огненный опасно прищурился, и по его лицу видно, что он готов разразиться либо бранью, либо долгим и нелюбезным объяснением, но его остановила рука. Рядом с кроватью, появляется Айсван и присаживается на краю кровати.

— *Из-за пробуждения магии и эмоционального истощения ты четыре дня провела в бреду,* — я сначала провали-

ваясь в непонимание, а потом перед глазами проносятся последние события до того, как я решила поспать. — *Как ты себя чувствуешь?* — я устраиваюсь удобнее, прислонившись спиной к изголовью.

Я пробую прислушаться к своему состоянию, найти что-то, что доставляло бы мне дискомфорт. Я ожидала почувствовать ноющую боль или остаточный жар, тяжесть в голове. Но ничего. Только лёгкая слабость, как после долгой болезни, и ощущение, будто мозг работает немного медленнее, чем обычно.

Вместо этого я почувствовала... другое.

Магия, которая ещё до пробуждения была «чужой», ощущалась как нечто инородное, колющее, словно осколок звезды, застрявший в моём теле, теперь словно обрела своё место. Теперь она ощущалась как тёплое пульсирующее течение, мягко разливающееся по каждой вене, каждому нерву.

Это похоже на то, как если бы в моём теле построили новую, идеально подогнанную речную систему, и теперь по ней мощно, но плавно текла золотая, светящаяся река. Каждый удар сердца отзывается лёгкой вибрацией этой новой энергии, которая теперь неотъемлемая часть меня, моим продолжением.

Это было спокойно, мощно и... правильно.

— Словно я вдруг стала цельной, собранной из всех недостающих частей, и теперь могу дышать полной грудью, чувствуя себя по-настоящему живой. — кладу руку на грудь,

прикрывая глаза и расплываясь в улыбке.

— *Хорошо.* — меня гладят по голове едва ощутимо... —
Тогда после завтрака, давай прогуляемся по лесу.

Принятие ванны, завтрак и сборы на прогулку занимают не больше часа. Я выбираю лёгкую, почти невесомую одежду, как будто собираюсь провести беззаботное утро в саду, а не исследовать дикие заросли.

После предложения Амона выйти за пределы замка, я вдруг осознаю поразительную вещь: всю весну и лето я не покидала его белокаменных стен. Особого желания выходить не было. Начало лета выдалось необычайно дождливым и прохладным. Мысль о том, чтобы выйти на улицу и ступить в раскисшую грязь, отбивает желание пускаться в авантюры. Лучше уж сад...

Однако с появлением магии всё должно измениться. Все практические заклинания, которые я выучила, сразу же всплывают в моей памяти: от очищения обуви от грязи до создания водонепроницаемых чар.

Теперь прогулка не просто развлечение, а отличная возможность применить свои знания на практике. Что может быть лучше, чем использовать магию в реальной жизни?

Лес за замком, который с высоты башни и балкона казался игрушечным зелёным пуховым одеялом, теперь нависает

над входом во двор непроницаемой, поглощающей стеной. Огромные древние деревья заставляют сердце трепетать от предвкушения, и я крепче сжимаю волшебную сумку, которую мне посоветовал взять Амон.

— Чтобы ты не упустила ни одной добычи. — сказал и кинул в меня эту самую сумку.

Сезон лесных ягод уже должен был начаться. Так что, если не дичь, то, может я смогу собрать дикую малину или землянику. Во рту сразу же появляется слюна при воспоминании о кисло-сладком вкусе этих лесных сокровищ.

В груди поднимается необычайный энтузиазм и предвкушение предстоящей прогулки. Ещё немного, и я переступлю порог неизведанного.

Однако... мой взгляд, словно притянутый магнитом, возвращается к замку, который я покидаю впервые за долгое время.

От вида белокаменных стен, возвышающихся над лесом, словно колоссальные стражи, у меня перехватывает дыхание. Кажется, такое зрелище не должно вызывать столь сильных чувств. Из сада открывается точно такой же вид.

Но сейчас, когда я стою на самом пороге леса, всё кажется другим.

— *Тебе так сильно нравится?* — рыжий эльф стоит у каменных ворот, сложив руки на груди. На его лице чаще всего написана скука или высокомерие, а вот такое недоумевающее и растерянное поймать сложно. Мои щёки обдаёт жар,

от неловкости прикусываю губу, но скрывать очевидное — глупо, так что медленно киваю. — *Хм...* — фыркнув, поднимает голову куда-то вверх и словно погружается в собственные думы.

— *Хорошей прогулки.* — машет рукой Хаммонд и тут же исчезает, даже не дождавшись ответа...

— Айсван... — поворачиваю голову в сторону мужчины, но он только качает головой, давая понять, что не собирается отвечать на вопрос. Ладно. — Расскажи мне об этом месте и о себе. — интерес появляется неожиданно для нас обоих. Хотя, я как-то уже думала поинтересоваться у него... Но, кажется, меня останавливало возможное появление Хаммонда. Я не очень хорошо знаю его историю, поскольку об этом не принято вспоминать. Но учитывая, что замок Проклятый, не многое приходит на ум.

Ладно. Пора смотреть вперед.

Шаг за шагом я вступаю в тень леса. Воздух здесь не просто свежий, он пропитан чем-то древним и живым — запахом влажной земли, сосновых иголок и чем-то неуловимо-пряным и сладким. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь густой полог, рассыпаются золотой пылью, мерцающей и переливающейся в воздухе.

Кажется, что мох, покрывающий стволы деревьев и валуны, светится изнутри мягким изумрудным светом. Папоротники распускают свои резные листья, на каждом из которых, кажется, лежит капля невидимой росы, переливающаяся

ся всеми цветами радуги.

На ветвях висят цветы, которых я никогда не видела в садах: их лепестки окрашены в невероятные оттенки синего и фиолетового, а некоторые даже пульсируют слабым ритмичным светом. Камни на тропинке покрыты слоем, напоминающим бархатистый мох, но на ощупь он сухой и упругий, как будто под ним скрывается невидимая магия, отталкивающая влагу.

Из глубины зарослей доносятся мелодичные, незнакомые звуки, не похожие ни на пение птиц, ни на шелест листьев. Скорее, это нежный, переливающийся звон, как будто крошечные колокольчики, спрятанные в каждом цветке, отзываются на дуновение ветра.

Внезапно мимо пролетает бабочка с крыльями, похожими на витражное стекло. Каждый его полёт оставляет за собой след из мерцающей пылицы.

Айсван

У этого места долгая история.

К несчастью... или, может быть, к счастью, я знаю её слишком поверхностно, чтобы она стала для меня чем-то поучительным. Всё произошедшее было историей совсем другого Севера, который находился в другом мире. Возможно, если бы те события разворачивались под моей кроной, много бы просто не случилось. Но что есть, то есть...

Снег здесь никогда по-настоящему не тает. Даже во время бесконечного полярного дня, когда солнце немигающим взглядом скользит по горизонту, в самых глубоких тенях между корнями и камнями остаётся ледяная корка.

Мои корни. Мои камни.

Этот северный лес, эта тундра, дышащая морозом, — продолжение моего существа: вздох древнего леса, стон тающей вечной мерзлоты, молчаливая бдительность тысячелетий. Они называют это лесом, но больше похоже на окаменевшие останки великанов, сохранившиеся во льду, покрытые тонкой, но прочной коркой из лишайника, карликовых берёз и упругих ив, которые пригибаются под натиском пронизывающих ветров, проносящихся по равнинам.

Я — память. Я древнее самой памяти. Но я не был здесь с самого начала. Я появился, когда хаултуриты исчезли, а земли переселились в иные ткани бытия. В тот миг, когда небо над горным хребтом рассекла трещина и в неё шагнули изгнанники под полуденным солнцем, которое светило слишком долго, чтобы быть естественным.

Я не знаю, почему я очнулся именно тогда. Ни знаний, ни воспоминаний — просто ощущение. Как будто древние травмы леса, о которых я не помнил, вдруг стали моими. Слова, голоса, крики. Видения падающего снега, который тает не от жары, а от горя. Я появился — или осознал себя — среди этих холодных земель, и мой ствол словно сам собой пророс сквозь фундамент библиотеки Нурдоолота.

Я не хотел здесь находиться. Но я был здесь.

Когда-то эта территория принадлежала снежным эльфам. Северная окраина, где солнце почти не показывается, а ночь длится месяцами. Но они — гордые, выносливые, закалённые ветрами и льдом. Их кожа — как иней, а глаза — голубые, как подлёдные пещеры. Они редко улыбались, но когда улыбались, смеялся весь лес. Их язык был пением ветра, а магия — льдом, несущим свет.

Солнечные эльфы считали их варварами.

И, возможно, они ими и были. Но варварами с честью. А Солнечные — утончённые, изящные, в золотых венцах и пламенных плащах — пришли с «просвещением». Они сказали: «Давайте создадим Империю Светлых Эльфов. Пусть Север расцветёт».

Зацветёт? Здесь, где даже лишайники растут чудом?

Почему север? Не знаю. Сколько ни думал, им больше подходили южные равнины, где солнце палит с небес, где дуют тёплые ветры, а ночь — всего лишь передышка между днями. Хотя... может, всё дело в полярных днях? В тех неделях, когда солнце не заходит и правит небом, как золотой страж? Может, им нужно было место, где свет не угасает? Где магия солнца не иссякает?

Возможно.

Но не стоит питать иллюзий: они пришли не за светом. Они пришли за властью.

Переговоры прошли так, как проходят все переговоры

между силой и гордостью. Снежные эльфы отказались. «Наша земля — не ваш сад», — так сказал последний вождь клана Хальвейд перед тем, как исчезнуть под ударами солнечных молний.

Началась война. На столетия.

Северяне сражались так, как могут сражаться те, кто знает: проиграть — значит исчезнуть. Но Солнечные были лучше вооружены, лучше обучены, лучше магически организованы. Их заклинания плавили лёд, их стрелы горели в полёте, их лошади скакали по снежному покрову, не проваливаясь.

Через восемьдесят три года война закончилась.

Они построили свою резиденцию власти не на земле, а в ней. Вокруг меня и во мне.

Поднимающийся камень, они вплетали в Лес, возводя стены замка между стволами. Они пели заклинания, заставляя камень и корни переплетаться между собой. Возможно, их величайшим достижением была флора, которую они создали или призвали, — южная флора, выведенная или зачарованная, чтобы выжить.

По обсидиановым колоннам ползли толстые древесные лозы, усеянные шипами, замаскированными яркими цветами. Рощи неестественно крепких, искривлённых деревьев пустили корни сквозь фундамент замка, соединив камень и дерево в гротескное живое целое. Это было... впечатляюще.

Извращённая красота, яркая на фоне снега, кричащая ра-

на на суровом севере.

«Завораживающая красота и настойчивость», — шептали они.

Нурдоолот — Сияющая звезда. Какая ирония — звезда, которая никогда не светит по-настоящему.

Золотые времена. Как быстро тускнеет золото

Гниль пришла изнутри. В позолоченных коридорах шептались о предательстве: доверенный советник императора оказался его бастардом. Лишённый фамилии, он носил имя своей матери — Агариус.

Амбиции, взращённые в тени отверженности, переросли в бунт. Кровь окрасила снег в алый цвет, запятнав сверкающие камни, которыми они так гордились. Замок пережил переворот, но свет померк, уступив место Агариусу, под рокотом слов проклятий.

2 июля 2104 г

Старик

Утренняя прохлада, заставляет поёжиться и спрятать ноги под одеяло. А лучик солнца, что проглянул через небольшое оконце под потолком, настойчиво пытается разбудить, возвещая о начале нового дня. Выглянув, тяжело выдыхаю, так как время постепенно приближается к восьми утра.

Сегодня я планировал выбраться в лес за травами... Надо найти гнус-траву — только её едкий, дегтярный сок способен отпугнуть мошкар, если растереть его по коже. Мохсфагнум для мазей — его антисептические свойства бесценны. Игла Кочечума — костяной шип реликтового кустарника, идеальный инструмент для сложнейших операций и наложения невидимых швов. Смола плакучей лиственницы, чтобы мгновенно заживить раны и остановить кровотечение. И, конечно же, багульник. Его сладковатый, одурманивающий аромат — единственное, что поможет мне погрузиться в забытье.

Быстро позавтракав, выхожу из комнаты, тут же потягиваясь всем телом и поправляю сумку на плече.

— Старина Квейли! — Голос Мириата отвлекает от планов, возвращая к реальности. Парень появляется из-за пово-

рота словно из ниоткуда. — Собираешься в Лес? — он останавливается и вытирает пот со лба. Его лицо покраснелось от жары: он явно только что закончил обход периметра.

— Да, — я медленно поворачиваюсь к нему. Каждое движение даётся мне с трудом, словно я преодолеваю сопротивление невидимой воды. — Нужно пополнить запасы, пока есть такая возможность.

Я киваю на свой нож с костяной рукоятью и мешочек. Мириат неожиданно хмурится. На секунду его мальчишеское лицо становится пугающе серьёзным. В этом взгляде я вижу не уважение к старшему, а почти родительскую тревогу.

— Хорошо. Только будь осторожен, — он оглядывается на стену деревьев, которая начинается сразу за моими грядами. В его голосе слышится настоящая, неприкрытая опаска. — Если попадёшь в переплёт — я тебя отругаю, старик. Лично. — Он пытается улыбнуться, и эта широкая обезоруживающая улыбка на мгновение прогоняет тени с его лица.

— Иди уже, — отмахиваюсь я от него, скрывая за ворчанием невольное сочувствие. Продолжаю подниматься по ступеням, чтобы выйти на небольшую мощёную площадь перед замком.

АксаMAT не похож на другие изящные дворцы. Это суровая кость, застрявшая в горле дикого Севера. Замок буквально вырастает из серого скалистого плато, окружённого бескрайним океаном тайги. Его башни — приземистые, тяжёлые, сложенные из грубо обтёсанных камней, поросших

сизым лишайником. Здесь нет лишних украшений, только функциональность: узкие бойницы, массивные дубовые ворота, окованные железом, и высокие стены, по которым неустанно ходят дозорные.

Круглые башни, мощные контрфорсы, внутренний двор, где кузнецы до рассвета бьют по наковальням. Но вместо рыцарей в сияющих доспехах здесь живут люди в кожаных куртках и меховых плащах. Охотники. Те, кто защищает цивилизацию от того, что таится в глубокой тени между соснами.

Я прохожу мимо центрального колодца. Воздух здесь уже начинает прогреваться, предвещая удушливый полдень. Надо ещё посмотреть, как там дела с огородом...

Последние несколько недель Лес лихорадит. Я чувствую это кожей, как маг земли. Его обычно глубокое, умиротворяющее дыхание сменилось неровным, прерывистым эхом настроений. Иногда радостное, оно звенело в листве, как солнечные капли после грозы. Иногда тревожное, оно стонало в корнях, заставляя вибрировать саму почву под моими ногами.

Сначала деревья перешёптывались о появлении нового жителя, их голоса были полны любопытства и осторожной надежды. А совсем недавно их шёпот, густой и настойчивый, сосредоточился на появлении природного эльфа.

Я смотрю на свои грядки, мимо которых пролегает тропа в лес. На них без слёз не взглянешь. Капуста, обычно креп-

кая и сочная, сейчас едва выживает: листья пожелтели, края скрутились от непонятной болезни. Земля под ней кажется слишком горячей и истощённой.

Хотя взрослые маги природы способны творить немислимое, объединяя камень и деревья в единое целое, в детстве это скорее катастрофа, чем благословение. Сила природного эльфа — это бесконтрольный выброс жизни. Сдерживать их неуёмную и взрывную натуру, которая влияет на всё вокруг, на самую Природу, — та ещё задачка. Но раз Лес до сих пор не подал никаких знаков, что ему нужна помощь, то мне не о чем беспокоиться. К тому же... Там ведь живёт он. Хранитель.

Я поправляю на плече мешочек из выделанной лосиной кожи. Поищу несколько ледяных камней в старых оврагах, чтобы хоть как-то охладить корни растений. Да и дома они не помешают — в лаборатории становится слишком душно.

Здесь, в тени мелколиственных берёз и вековых лиственных, температура опускается всего на пару градусов, но влажность становится невыносимой. Мох под ногами хлюпает, выпуская струйки холодного, пахнущего торфом сока. Это преддверие царства вечной мерзлоты, которая скрывается всего в полуметре под слоем перегноя.

Я втираю в запястья и шею вязкий, угольно-чёрный сок гнус-травы. Запах дёгтя и горелой коры мгновенно окутывает меня плотным коконом. Здесь, насекомые не просто досаждают. Они охотятся. Гнус здесь способен за считанные ча-

сы обглодать до костей зазевавшегося путника. Но дёготь их отпугивает. Для них я теперь пахну мёртвым лесом.

Мои пальцы, привыкшие к тонкой работе, погружаются в податливую плоть сфагноума. Он здесь особенный — пушистый, пропитанный ледяной водой из подземных жил. Я аккуратно срезаю пласты, стараясь не повредить грибницу. Этот мох — милосердие земли; он вытянет гной и инфекцию из любой раны, не дав гангрене ни единого шанса.

Я двигаюсь дальше, вглубь сумерек, которые царят здесь даже в полдень. Моя связь с почвой позволяет мне чувствовать то, что скрыто от глаз Мириата и ему подобных. Под слоем перегноя и опавшей хвои я ощущаю железную хватку вечной мерзлоты. Она холодит мои подошвы, напоминая, что жизнь здесь — лишь тонкая плёнка на поверхности огромного ледника.

У подножия Кочечума — реликтового кустарника, ветви которого извиваются, словно застывшие в агонии змеи, — я нахожу то, за чем пришёл. Игла. Твёрдая, как обсидиан, и острая, как бритва. Эти костяные шипы не разъедают плоть, а срастаются с ней, позволяя накладывать швы, которые со временем превращаются в едва заметные нити магии и кожи. Я бережно укладываю несколько игл в кожаный чехол.

— Ещё немного, — шепчу я себе под нос. Мой голос звучит странно в этой тяжёлой, ватной тишине.

Я нахожу плакучую лиственницу. Её смола — «слезы севера» — густая и прозрачная, как мёд. Она мгновенно засты-

вает, стоит ей коснуться тёплой крови. И, наконец, багульник. Его заросли одурманивают, голова начинает кружиться. Я собираю только верхние листья, те, что впитали в себя максимум яда и лекарства одновременно.

Но есть кое-что ещё. То, за чем я спускаюсь в низины, где туман стоит стеной даже в самую сильную жару. Камни холода. Это не просто галька. Это осколки древней породы, впитавшие в себя магию вечной мерзлоты. Я опускаюсь на колени и погружаю руки в ледяную болотную жижу. Пальцы почти сразу немеют, но я не отступаю.

Магия земли откликается на мой зов, указывая на твёрдые, пульсирующие холодом сгустки среди мягкого ила. Эти камни необходимы в лазарете: они снимают лихорадку, когда она грозит сжечь человека изнутри, и сохраняют мои мази свежими в течение нескольких месяцев.

Проходит час, а может, и целая вечность. Время в этом лесу течёт иначе — оно не бежит вперёд, а медленно кружится, как опавший лист в омуте.

Я выхожу на поляну, которую не ожидал здесь увидеть. Лес расступается, открывая пространство, залитое странным приглушённым светом. В центре стоит оно — Белое Дерево.

Его ствол лишён коры, он гладкий и белый, словно выточенный из кости древнего исполина. На его ветвях нет листьев, но их оплетают тонкие серебристые стебли редчайшего растения — Иневой лозы. Это чудо северной природы цветёт лишь раз в десятилетие и только на мёртвой древесине.

не, сохранившей магический след.

Цветы лозы похожи на крошечные колокольчики из тончайшего хрусталя. Их называют «Сердцем Зимы». Если растереть лепесток и смешать его с ключевой водой, можно погрузить пациента в состояние глубокого анабиоза. Это единственный способ провести операцию, когда боль может убить быстрее, чем сама болезнь.

Я заморожённо смотрю на хрупкие соцветия. Они светятся изнутри слабым голубоватым огнём.

Алсеида

Голос Айсвана всё ещё звучит в моих ушах — сухой, шелестящий, как осенняя листва, зажатая между страницами старинного фолианта.

Его рассказ не стал для меня откровением: в нашей стране историю не прятали под замок и не переписывали в угоду новым правителям. Мы знали о великих падениях, предательствах и крови, пролитой на алтаре прогресса.

Но сухие строки летописей — это лишь скелет, лишённый плоти.

Слушать Айсвана было совсем другим опытом. Когда он говорил, я видела не даты, а блеск стали в лучах заходящего солнца, чувствовала запах гари от давно остывших пожарищ и слышала крики тех, чьи имена давно стёрлись из памяти людей, но остались в памяти вечности. Это было пугающе и

в то же время завораживающе — стоять рядом с существом, которое само является частью этой Истории.

Но история, какой бы величественной она ни была, — всего лишь тень прошлого.

Тихо выдохнув, я поднимаюсь с кресла, начиная потихоньку собираться в Лес.

После открытия магического дара, Замок стал казаться мне тесным. Его массивные стены, возведённые из белого гранита, словно давят на плечи, пытаюсь удержать мою новую сущность в рамках приличий и традиций. Поэтому я всё чаще ухожу в Лес.

Айсван уверяет, что это временно. После того, как я привыкну к силе, я вновь обрету чувство комфорта в Замке. Приходится верить. А пока...

Там, под сенью вековых дубов, магия внутри меня перестаёт быть колючим комком в груди. Она разливается по венам тёплым золотом, отзываясь на шелест листвы и вибрацию корней под ногами. В Лесу я не просто «человеком с даром» — я часть огромного пульсирующего организма.

Хаммонд провожает меня до ворот и замирает у черты, которую он не может пересечь. Я чувствую на своей спине его взгляд — пропитанный тихой меланхолией. Но он никогда не жалуется, не просит остаться, не рассказывает о том, как гулко пустеют коридоры, когда я ухожу, и как сгущаются тени в углах его одиночества.

— *Ты вернёшься до заката?* — его голос в такие моменты

обретает странную нотку, которую я не могу распознать.

— Постараюсь, Хаммонд, — расплываюсь в робкой улыбке и отворачиваюсь в сторону Леса, где уже среди деревьев ждёт Айсван.

Я знаю что существуют способы «привязать» Хранителя к себе, сделать его своим спутником, позволить ему выйти за порог. Но, к сожалению, я ничего об этом не помню. Когда я изучала теорию магии, я и не думала, что когда-нибудь столкнусь с кем-то из них. Я зачитывалась главами о боевых заклинаниях, о трансформации материи, о целительстве, пропуская главы о «симбиотических узах высшего порядка».

Если бы я знала... Да?

Впрочем, если ему понадобится, он сам скажет мне о способе.

Ступив на покрытую мягким мхом лесную тропинку, я наконец вздыхаю полной грудью. Лес принимает меня в свои объятия, сомкнув ветви у меня за спиной и скрыв из виду угрюмые башни Замка.

Воздух здесь другой — живой. Магия внутри меня радостно отзывается, кончики пальцев закололо от избытка энергии. Я опускаю взгляд на свои ладони: кожа кажется почти прозрачной, а под ней, словно светлячки, мерцали искры

пробудившегося дара.

Одна из особенностей дара, даже если ты никогда не прикасался к энциклопедиям по травничеству ты всё равно с одного взгляда поймёшь что за растение перед тобой и какими свойствами оно обладает. Это несколько странно, но зато теперь понятно почему у Природников нет «ознакомительного» курса в Академии, а сразу идёт уровень 5 курсов. Хотя, природник, природнику рознь.

Прохладный воздух касается лица. Влажный запах леса приятно щекочет нос. Новые живописные места продолжают поражать воображение. И меня всегда слегка удивляет, что я никого не встречаю на пути. Айсван говорит, что просто гулять здесь в одиночку, без сопровождения, не принято и небезопасно, если только ты не обученный охотник или лесник... Уж больно жители тут неприветливы...

Чего только стоит Теневая росомаха (Сумеречник). Самый опасный хищник Леса из-за его способностей. Чёрный зверь, который кажется двумерным, когда прячется в тени деревьев. Обладает телепортация на короткие расстояния через тени. Полная невидимость в сумерках.

Чаще всего на охоту за ним подают заявки артефакторы или алхимики... Алхимики используют желчь сумеречника позволяет видеть в абсолютной темноте. Артефакторам нужны когти — идеальный инструмент для вскрытия магических замков. Хотя и обыватели иногда покупают кость росомахи, потому что она вроде как отгоняет кошмары.

Ещё, тут обитает Гремлин. Миниатюрное существо ростом почти метр, с искривлённым телом, покрытым бородавками и мхом. Его лицо — маска хитрости и злобы, а пальцы заканчиваются острыми, как иглы, когтями. Они строят свои дома в корнях древних деревьев, часто создавая сложные подземные туннели.

Ест всё подряд: насекомые, грибы и мелких животных. Склонны воровать блестящие предметы и устраивать беспорядки. Мастера скрытности и обмана. Могут общаться с животными и использовать окружающую среду в своих интересах.

Измельчённые в порошок когти гремлины можно использовать для создания мощных проклятий и наговоров. Их озорной характер часто делает их ценными (хотя и ненадёжными) помощниками для колдунов и чародеев.

Передёрнув плечами, осматриваюсь по сторонам, пытаюсь найти вспомнившихся прохвостов... Но никого рядом не оказывается. Даже мелких зверей не чувствуется. Значит, я всё ещё на Тропе. Хорошо всё же быть «Благословлённой» Илель. Даже если задумаешься, не потеряешься и не покинешь Тропу. Если бы ни это, сомневаюсь, что меня бы отпустили так охотно.

Мотнув головой, возвращаюсь к поиску нужных растений. Не то чтобы у меня есть список, но всё-таки. Будет плохо вернуться с пустыми руками, хоть и простая прогулка мне не помешает.

Хаммонд несколько дней ворчал без остановки, что я «маговской хворью» заболела... Так он окрестил мои посиделки в лаборатории. Пунктик у него на эту тему, что ли?

Остановившись на несколько секунд, чтобы осмотреться на всякий случай, поднимая голову вверх...

Солнце пробивается сквозь густые кроны деревьев, отбрасывая причудливые тени на поросшую мхом землю. Идя по тропинке, наслаждаясь тишиной, нарушаемой лишь пением птиц и шелестом листьев под ногами. Иногда я поднимаю руки и начинаю ими махать, подражая птице, от чего начинаю посмеиваться.

В какой-то момент меня тянет в сторону, к широкой поляне, залитой послеполуденным солнцем. Именно там, под раскидистым Белым деревом, по ощущениям чем-то похожий на Айсвана, но... Оно какое-то другое. Мёртвое.

Мой взгляд падает на фигуру, совершенно не вписывающуюся в пейзаж.

Старик. Он неторопливо собирает «Сердце зимы» с Иневой лозы, совсем не заботясь о том, что происходит вокруг. Встретить здесь кого-то... Приходится даже ущипнуть себя за руку, чтобы проверить, не видение ли это, навеянное здешними чарами.

Нет. Боль вполне реальна, а старик продолжает заниматься своим делом, как будто находится в самом обычном саду.

Хлопнув пару раз глазами и мотнув головой, поджимаю губы. Тропы, которыми я пользуюсь, обычно ведут подальше

от чужих глаз. Столкнуться здесь с кем-то сравнимо с невероятной удачей... Или чьим-то умыслом.

Я всегда знала, что Лес порой играет с путниками, направляя их туда, куда ему нужно. Может быть, эта встреча желание самого Леса?

Стоя в тени деревьев и наблюдая, чувствую, как нарастает напряжение. Не из-за присутствия старика — из-за чего-то другого. Воздух застыл, птицы замолчали. Это было знакомое ощущение — предчувствие беды.

И причина моего появления на этой поляне, моего отклонения от обычного пути оказалась простой и неотвратимой. Сердце ёкает, когда я улавливаю взгляд... Крупная кошка с шерстью, напоминающей иней. На кисточках ушей — настоящие ледяные кристаллы, которые не тают. Хищник... Ещё мгновение — и когти вонзятся ему в спину.

Руки реагируют куда быстрее мысли и прежде, чем зверь успел сделать решающий прыжок. Лозы, которые до этого покоились на Белом дереве, срываются с места с резким звонком колокольчиков, ловя свою жертву в удушающий капкан.

— Что? — старик наконец удивлённо оглядываясь по сторонам... Застывает на месте, когда сталкивается с раскрытой пастью рыси. — Ч... Ох... — один неловкий шаг назад и он приваливается к стволу дерева. — Что происходит?

— Всё в порядке, — говорю я чуть резче, чем хотелось бы. Привычка говорить шёпотом или вообще не говорить даёт о себе знать. — Вам не стоило заходить так далеко...

— Я... я собирал травы, — кажется он не совсем пришёл в себя. Нос улавливает какую-то какофонию ароматов из его сумки... — Редкие травы... — так вот в чём дело, он плохо закрыл свою сумку и попал под действие собранных лекарств. А ещё. Глаза мгновенно находят причину здешней тишины... Звёздный мох... — Хах. Я слишком увлёкся.

— Вам нужно уйти, — я опускаю ворчание, что ему следует принять какие-нибудь лекарства по приходу домой. Раз он собирал травы, то с этим проблем быть не должно. А вот с рысью... — Я разберусь с ним. — Старик колеблется. Кажется, он хочет задать ещё вопрос, но осекается и согласно кивает.

— Хорошо, — говорит он, подхватывая сумку.

— Держите. — срываю лист с дерева и вложив в него намерение довести старика до его дома, отправляю к нему. — Ни за что не упускайте этот лист из виду. Он позволит выбраться из леса прямо к дому.

— Спасибо... — бормочет он, неуверенно отходя в указанную листом сторону. Я слежу за ним, пока он не скрывается за ближайшими деревьями.

И что мне делать с этой тушей? Вот ведь. Вышла за травами, а вернусь с добычей. Хаммонд будет счастлив моим успехам и в этом. Зарывшись в волосы пальцами на несколько секунд, пытаюсь уговорить себя забрать это с собой. Хорошо, что сумка позволяет подобное зверство.

Что ж... Надеюсь, больше ничего не случится, и я спокой-

но доберусь до дома.

3 июля 2104 г

Ирсис Квейли

Стоя перед дворцовой площадью и осматриваясь по сторонам, я пытаюсь воскресить свой путь от Леса до Замка Аксамат, однако, ничего не получается. И я продолжаю смотреть в сторону возвышающегося Леса, имея возможность лишь удивляться собственной растерянности и неосторожности.

Не заметить звёздчатый мох прямо под ногами... Ну надо же!

Если я кому-нибудь расскажу, мне посоветуют уйти на покой. И, пожалуй, это будет правильным решением. Можно, конечно, ходить с охраной... Но сама мысль об этом вызывает у меня горькую усмешку.

Выдохнув, я сначала делаю шаг в сторону дворца, намереваясь подняться в кабинет Его Высочества. Но в очередной раз растерянно застываю и качаю головой, пытаюсь сбросить ненужные мысли. Солнце ещё высоко, а значит, он не в своих покоях, а на тренировочной площадке.

Жара немного спала. Тюрьма душного зноя, в которой Аксамат томился последние дни, дала трещину. Постепенно город наполняется прохладным лесным воздухом — тем са-

мым, тяжёлым, пахнущим хвоей и влажной землёй. Это короткая, едва ощутимая передышка перед завтрашней волной жары, которая, если верить знакам, будет ещё беспощаднее.

Я медленно иду по улице, огибающей крепостные стены. Аксамат оживает. Жители выбираются из своих каменных домов, похожих на приземистые крепости. Здесь, на севере, архитектура лишена изящества эльфийской столицы. Здесь всё подчинено выживанию.

Охотники чистят снаряжение прямо на крыльце. Высокие, жилистые, с обветренными лицами, они провожают меня взглядами. В их глазах нет почтения — только суровое признание моей полезности. Для них я тот, кто умеет зашивать раны от клыков лесных тварей и знает, какой корень остановит гниение крови.

Женщины развешивают бельё, торопясь использовать последние часы перед наступлением сумерек. Слышен детский смех, но он кажется здесь чужеродным, слишком хрупким для этого сурового края. Я прохожу мимо торгового ряда, где пахнет вяленой олениной и смолой. Мои шаги по брусчатке звучат глухо, словно я иду не по камню, а по пустоте.

Тренировочная площадка расположена в южной части заставы, на естественном возвышении, откуда открывается вид на бескрайнее море зелёных верхушек деревьев. Ещё издаля я слышу ритмичный стук стали о сталь и резкие, отрывистые команды.

Я останавливаюсь у края поля, прислонившись спиной к

прохладному стволу старого дуба. Реджинальд тренируется без доспехов, в одной тонкой рубашке, которая насквозь промокла и прилипла к его широким плечам. Его движения безупречны и жестоки. В каждом взмахе меча — не танец, а приговор. Он не просто фехтует, он выжигает себе путь.

Его противник — рослый охотник, вдвое шире принца в плечах, — тяжело дышит, едва успевая ставить блок. Реджинальд не даёт ему передышки. Его лицо застыло каменной маской холодного безразличия. Это пугает больше, чем ярость. Ярость — это огонь, который можно потушить. Реджинальд же — само Солнце: оно дарит жизнь, но может превратить мир в пепел, не моргнув и глазом.

— Локоть ниже, — бросает он, и его голос рассекает воздух лучше клинка. — Если ты позволишь лесной кошке зайти слева, твои кишки украсят кусты ещё до того, как ты успеешь вскрикнуть. Снова!

— Чёрт... — Охотник стискивает зубы и бросается в атаку.

Реджинальд так изящно уходит с линии удара, что это кажется волшебством, хотя я знаю, что сейчас в нём нет ни капли магии, только годы изнурительных тренировок и беспощадная дисциплина. Короткий выпад — и остриё учебного меча останавливается в дюйме от горла противника.

— Ты мёртв, — констатирует принц. Он опускает оружие и только потом поворачивает голову в мою сторону. Его золотистые глаза, в которых зрачки похожи на искры, впива-

ются в моё лицо. Он всегда чувствует моё присутствие. — Мастер Иррис, — он кивает помощнику, который тут же кланяется и отправляется в сторону замка. — Пойдёмте. Скоро должны подать обед.

— Милорд... Сегодня я встретил снежную эльфийку с природной магией. — юноша замирает так резко, что я делаю несколько опережающих шагов. — Последние несколько недель, Лес перешёптывался о ней...

— Природная Эльфийка из снежного клана? — он сводит брови к переносице — Мне не сообщали. — он пожмает плечами, кивает и улыбается благодарно служанке, поставившей на стол обед.

— Я осмелился отправить запрос в Равшан об этой эльфийке. Ответ уже должен был прийти. — решаю дать знать о своих действиях. Реджинальд поднимает на меня взгляд, потом переводит его на слугу и машет рукой.

Реджинальд Агариус

Аромат жареного фазана и запечённых в между кореньев, обычно ласкающий мои чувства, сегодня ощущается как пепел во рту. Стук столовых приборов и тихий гул разговоров в залитом солнцем зале обеденной действуют на нервы. Всё это фоновый шум для лихорадочного постукивания моих пальцев по полированному дубу столешницы.

Тук-тук-тук...

Ритм совпадает с беспокойным биением моего сердца.

Сорок лет это чувство было моим постоянным спутником. Надежда, которая вспыхивала лишь для того, чтобы погаснуть, путь, который открывался лишь для того, чтобы закончиться в тернистых зарослях отчаяния. Правила моей тюрьмы были ясны, это была жестокая шутка, которую нашептали мне судьбы:

Чтобы снять проклятие, вы должны найти место, где «живёт» Дух. Чтобы заслужить его прощение, вы должны принести жертву или исполнить его «предсмертное желание». Чтобы сделать что-либо из этого, вы должны знать истинное имя Духа.

Простая, но невыполнимая тройка. Я ничего из этого не знал.

Нурдоолот... Проклятый замок. Мираж на грани видимости, шёпот движения среди деревьев в безветренную погоду. Своим навязчивым безмолвным присутствием он обещал ответы, словно зов сирены, сотканный из тени и воспоминаний. Он манил, и я шёл за ним, утопая ботинками во влажной земле и опавших листьях, с опасным огнём надежды в груди.

А потом — ничего.

Он исчезал в тот момент, когда я выходил из Леса на поляну, оставляя после себя лишь глухой шелест ветра в ветвях — звук, похожий на смех. Насмешливый, древний и совершенно безжалостный.

Если я приближался, он отступал. Если я звал его, и мой голос эхом разносился среди молчаливых, настороженных деревьев, он отвечал лишь тем же дразнящим шорохом, призрачным смешком, который доводил меня до безумия.

Эта бесконечная погоня — смысл моей нынешней жизни, опустошающая меня, оставляющая лишь холодную, горькую пустоту и едкий привкус разочарования.

Сорок лет.

Четыре десятилетия я гонюсь за тенью, и с каждым годом бремя моей неудачи становится всё тяжелее, затягивая меня всё глубже в болото отчаяния, из которого, как мне кажется, я никогда не выберусь.

Мы перепробовали всё.

Изучение настолько древней карты, что пергамент грозил рассыпаться в прах от одного прикосновения. Мы шли по тропам, прислушивались к шёпоту, передававшемуся от бабушки к внучке вполголоса. Каждый слух приводил в тупик или к народной сказке без содержания. Мы искали места силы — стоячие камни, в которых таилась энергия, древние рощи, похожие на соборы, — в поисках знака, подсказки, чего угодно, что мог оставить после себя Замок.

Но замок не сдаётся.

Это живое, дышащее существо, сотканное из чистой магии и искусного обмана. Он мелькает на периферии взора, словно вспышка невозможных башен и хрустальных шпилей, от которой сердце замирает в внезапной, отчаянной на-

дежде, только чтобы раствориться в воздухе, как туман перед солнцем. Это сон наяву, который ускользает из рук.

Мы не могли понять ни причины его появления, ни закономерности его жестокой игры. Каждый раз — новое место на карте, новое безумное путешествие в глушь, новый путь, который вёл в никуда. Это было чувство, растущая, грызущая уверенность в том, что нас водят за нос древние, капризные силы, которым наша смертная борьба кажется очень забавной.

Нашей последней отчаянной надеждой был маг природы. Такие, как он, могли говорить с лесом, слышать шёпот земли, договариваться с такими существами, как Хранитель Леса. Возможно, он смог бы убедить Замок показаться или хотя бы уговорить Лес перестать прятать его обитателя.

И он сам — призрак ушедших эпох.

Скрип петель прозвучал в зале как выстрел. Все офицеры, сидевшие за длинным столом, на долю секунды замолкают и переводят взгляд на слугу, который торопливо входит через боковую дверь. Его шаги эхом отдаются от каменные плиты, пока он направляется к моему столу.

Моя рука замирает. Барабанная дробь стихает.

Слуга низко кланяется и протягивает мне письмо на маленьком серебряном подносе. Я беру его нарочито медленными движениями, скрывая лихорадочную суету внутри. Я отпускаю его коротким кивком и ломаю печать.

Я пробежал глазами официальный текст, и от каждого

слова у меня по спине бежали мурашки.

«Ваше Высочество, Реджинальд Агариус,

Настоящим письмом администрация Равшанской лаборатории, расположенной в провинции Холхейм Империи Эгле, спешит довести до Вашего сведения и заверить Вас в том, что, согласно нашим данным, за последние двадцать (20) лет на территории Равшана ни разу не появлялись маги природы.

Мы осознаём важность вашего запроса и понимаем, насколько ценен для вас такой специалист. Однако мы не можем направить к вам человека, который никогда не переступал порог нашей Академии.

Мы искренне просим вас простить нас за невозможность выполнить ваш запрос в данном случае. Возможно, вам стоит обратиться в департаменты Бишамонтена или Гелена, где вы сможете получить более полную информацию или найти соответствующих специалистов.

С глубоким уважением, Администрация Равшанской Лаборатории, Империя Эгле, провинция Хольхейм.»

В кончиках моих пальцев начало покалывать от слабого жара. Воздух вокруг моей руки задрожал, превращаясь в едва заметную дымку. Я делаю резкий, контролируемый вдох, подавляя огонь, который грозит вспыхнуть, поглотить этот никчёмный листок бумаги и превратить его в пепел, которого он заслуживал.

Но. Такое поведение ниже моего достоинства. Это было

бы признанием поражения.

Вместо этого я небрежно откидываю письмо, которое заскользило по полированной поверхности дубового стола. Оно плавно двигается, как мёртвое, и останавливается прямо у края, словно собираясь упасть.

Этот клочок пергамента, отягощённый тяжёлой печатью, выглядит как насмешка. Надежда, которая всего несколько мгновений назад трепетала в моей груди, как пойманная птица, теперь становится свинцовой тяжестью в моем желудке.

— Как это понимать? — мой удар кулаком по столу, заставляет приборы жалобно звякнуть.

Ирсис, который пристально наблюдал за моими эмоциями осторожно подхватывает пергамент, приподнимая бровь. Я киваю, позволяя прочесть ответ, пока сам разваливаюсь на кресле, не в силах держать величественный вид.

— Ваше... высочество. Возможно... этому есть объяснение. — он пробегает глазами по листу и выглядит не в пример растерянным. — Может она действительно не имеет отношения к Равшану. Деревья шептали о её недавнем пробуждении. Возможно она жительница ближайших деревень... Я могу нарисовать её портрет, а наши охотники разошлют на неё ориентировки.

— Как прикажете. — Несколько эльфов переглядываются между собой и киваю, в знак того, что принимают задание.

15 июля 2104 г

Реджинальд Агариус

Документы лежат в полном беспорядке, словно их разбросала чья-то нетерпеливая рука. Переписка за последние месяцы — торговые контракты, отчёты о поставках хрустального мха, письма от купцов и из столицы — всё это громоздится на моём столе хаотичными стопками, игнорируя любые попытки навести порядок.

Обычно я не позволяю себе такой небрежности, но в последнее время мне не хватает ни времени, ни, что ещё хуже, усидчивости для рутинной работы. Мой взгляд скользит по выцветшим чернилам, по характерным завитушкам подписей, и я чувствую, как нарастает это странное, раздражающее волнение, которое царапает где-то в глубине души, в самых корнях моего существа, на подкорке мозга.

Именно это чувство — интуиция — действует мне на нервы последние несколько месяцев, каждый раз, когда я беру в руки эти проклятые документы. Словно невидимые нити тянутся от каждой строчки, сплетаясь в тугой узел тревоги. И теперь, кажется, оно наконец зацепилось за что-то... подозрительное. За что-то, что выбивается из привычного ритма, из логики вещей.

— Элиас, — зову, не поднимая головы.

Голос звучит приглушённо в стенах рабочего кабинета, с высокими потолками и узкими окнами, через которые пробивается скудный северный свет, окрашивая пыльные лучи в золотистые оттенки. Воздух здесь всегда пахнет чернилами, пергаментом и лёгкой кислинкой старой кожи.

Парень, сидящий за соседним столом и утопающий в стопках отчётов о добыче мхов, вздрогнул, как от удара. Видимо, он слишком глубоко погрузился в свои записи, уйдя в мир цифр и скучных формулировок, что было для него обычным делом.

— Да, Ваше Высочество? — он быстро заскрипел пером, дописывая какую-то строчку.

Тихий стук по столешнице и шорох отложенных листов возвестили о том, что он готов слушать и всё его внимание принадлежит мне. Я не поднимаю головы, но по едва слышному шороху его одежды понимаю, что он выпрямился, ожидая моих указаний.

— Когда мы в последний раз отправляли донесение в столицу? — интересуюсь я и, задавшись этим вопросом, начинаю копать в отдельном ящике, где хранились копии писем. Только... Мда. Давно пора было завести что-то вроде журнала, чтобы можно было раскладывать письма по датам и при случае легко находить нужное.

— Три дня назад, принц, — Элиас отвечает почти мгновенно, его голос звучит немного напряжённо. Я поднимаю

взгляд и вижу его растерянное лицо. Он молод, ненамного старше меня, но всегда выглядит взъерошенным, с вечно спадающими на лоб прядями тёмных волос и глазами, привыкшими к мелким буквам и цифрам. — С караваном, который вёз хрустальный мох и зимние меха. Мы добавили туда ваши личные письма для Его Величества, Его Высочества и советника Вия.

Я медленно киваю, вспомнив, что действительно написал несколько писем, и тут же нахожу их среди множества других. Конверты, предназначенные для дворца толстые, раздутые от отчётов и официальных донесений. Один из них, предназначенный для торговой гильдии, лежит отдельно, почти нетронутый.

Вообще, обычно никто не заморачивается созданием полных копий писем с их содержанием. Чаще всего ограничиваются журналом отправки: дата, адресат, краткое описание сути. Но моя «интуиция» в последние месяцы, заставила меня быть излишне дотошным даже на мой собственный взгляд.

— И когда мы получим ответ? — разворачиваю один из документов и пробегаюсь глазами по мелким строчкам, пытаясь вспомнить суть.

— Как обычно... — Элиас недоумённо пожимает плечами и поворачивается к большому плакату с датами, висящему на стене напротив. Календарь, разделённый на дни и недели, с отметками о предполагаемых датах прибытия и отправле-

ния караванов. Он пробегает по нему взглядом. — К концу следующей недели.

— Вот оно. — Мой кулак неожиданно сильно и громко ударяет по столу, так что я сам замираю, переводя взгляд на побелевшие костяшки. Элиас чуть подпрыгнул на стуле, его глаза расширились от неожиданности. Послышался глухой стук, и от удара подпрыгнули лежащие рядом пергаменты. — За последние полгода мы получили всего пятнадцать ответов. Пятнадцать, Элиас! Раньше за этот же период их было не меньше сорока, а иногда и до сотни доходило. Ты замечал?

Мой голос, обычно ровный и сдержанный, звучит резко, и в нём проскользнула едва уловимая холодность, которую я не мог или не хотел скрывать. Это был голос воина, привыкшего к дисциплине и требующего ответов.

— Так... много? — Он запустил пальцы в волосы, взъерошив их ещё больше, и растерянно отвёл взгляд в сторону толстых журналов, лежавших на его столе. Журналы учёта, в которых должны быть записи о каждом письме, о каждом ответе.

— Конечно, много, — свожу брови к переносице и откидываюсь на спинку стула. Деревянная спинка скрипнула под моим весом. — Договоры и регулирование поставок, количество, цены, сроки, подтверждение оплаты... — перечисляю первое, что приходит в голову, когда речь заходит о делах самого Аксамата, нашей охотничьей заставы. — Не го-

воря уже о том, что я регулярно отправляю вести о поисках Нурдоолота. Каждая крупица информации должна быть подтверждена, на каждый запрос должен быть получен ответ. Это основа любого управления, особенно удалённого.

— В столице сейчас празднуют... — выдыхает Элиас, снова бросая взгляд на другой календарь, в котором отмечались важные даты империи. — В последнем письме говорилось о свадьбе младшей Графини Ливиус и о больших турнирах в честь Дня солнечного равноденствия.

— Они и раньше праздновали. — Поджав губы, я несколько раз обошёл стол. Мои шаги по деревянному полу были размеренными и тяжёлыми, но внутри меня кипел гнев. Наконец остановившись, я опустил взгляд на разложенные письма, словно ожидая, что они сами раскроют мне свои тайны. — Отложи все дела и отчёты. Перечитай все письма. Те, что отправляли мы... Нет. Лучше те, что отправляли нам. Проанализируй и скажи, есть ли в них что-то странное. И... найди время, чтобы вспомнить, с каких пор это началось.

— А... Да. Конечно, — Элиас неуклюже поднимается с места и начинает копать в столе. Его движения нерешительны. Он бесцельно перекладывает папки с места на место, затем замирает и тут же садится обратно, словно осознав всю масштабность моей задачи. — Извините... Мне нужно... Немного времени.

Излишняя вежливость, излишняя суета. Он хороший помощник, но слишком привык к рутинным, чётко очерчен-

ным задачам. А здесь требуется не просто перебирать бумаги, а анализировать, чувствовать, делать что-то, выходящее за рамки инструкций.

— Не торопись. Лучше делай всё медленно, но вдумчиво, — я поднимаюсь из-за стола, упираясь руками в столешницу. — Сделай перерыв. Я прикажу принести сюда ещё пару столов. — Они ему точно понадобятся. Горы корреспонденции, копившейся здесь годами, требовали места. Не только для хранения, но и для того, чтобы разложить её, сравнить, увидеть закономерности.

Стоило мне выйти из комнаты, как я тут же наткнулся на нескольких солдат. Они стояли на страже у входа в мой кабинет, их доспехи тускло блестели в полумраке коридора.

— Принесите в мой кабинет несколько дополнительных столов и будьте готовы помочь Элиасу с перекладкой архивов. Но не мешайте ему работать, — отдаю соответствующие распоряжения. Мой голос звучит сухо, без тени эмоций. Они коротко кивают, выражая готовность выполнить задание, и отправляются за столами, а я наконец выхожу на тренировочную площадку, чтобы хоть немного проветриться.

Июльский воздух снаружи был на удивление мягким для этих широт. После прохладных тёмных коридоров просторный двор крепости встретил меня тёплым дыханием, несущим

щим запахи свежескошенной травы, сосновой смолы и далёкий, едва уловимый аромат дыма из кузницы.

Надо мной простирается высокое синее небо, украшенное лишь редкими пушистыми облаками, которые медленно плывут над зубчатыми стенами. Солнце, хоть и стоит высоко, не палит. Здесь, на севере, даже в разгар лета его лучи скорее ласковые, чем обжигающие.

Я прошёл через двор, где охотники занимаются своими повседневными делами: кто-то чистит оружие, кто-то проверяет силки, другие тренируют молодых гончих. Многие из них кивают мне, некоторые склоняют головы в знак уважения. Я отвечаю коротким, но твёрдым кивком.

Тренировочная площадка вытоптана до твёрдого грунта. Несколько деревянных чучел, обёрнутых соломой, стоят в ряд, покорно ожидая ударов. Арена пуста, кто на охоте, кто на постах. Вот и отлично! Мне нужна тишина, чтобы мысли обрели форму, чтобы гнев нашёл выход, а тревога — направление.

Я сбрасываю камзол, оставшись в лёгкой льняной рубашке, которая тут же прилипает к спине. Я разминаюсь, ощущая, как напрягаются мышцы, как кровь приливает к конечностям. Каждое движение отточено годами тренировок.

Я подхватываю тяжёлый меч, который так правильно лёг в руку.

Удар. Разворот. Ещё удар. Чучело содрогнулось, солома разлетелась в стороны. Ритм, повторяющийся, медитатив-

ный. Я рублю, колю, парирую воображаемые атаки. Каждый взмах меча выверен, но в него вкладывается не только сила, но и раздражение.

Мои руки двигаются быстро, почти инстинктивно, мышцы горят. С каждым движением я чувствую, как напряжение, скопившееся в голове, понемногу рассеивается, уступая место чистой, животной концентрации на моменте.

Но даже под этот ритмичный лязг металла и свист воздуха мои мысли возвращались к бумагам, к Элиасу, к столице. Пятнадцать ответов за полгода. Это ненормально. Это опасно. Аксамат ключевой пост на северных границах империи, источник ценных ингредиентов, которых не найти в других областях, а всё из-за Проклятия.

Отсутствие писем... Кто? И зачем?

Я опускаю меч, тяжело дыша, и смотря на разорванное чучело. Солома свисает клочьями, обнажая прогнивший деревянный каркас. Мой гнев нашёл выход, но тревога лишь усилилась, обретя чёткие очертания.

Как письма могли быть перехвачены? Существует несколько способов доставки корреспонденции. У каждого из них были свои уязвимые места, но чтобы сразу у всех? Это кажется невозможным, если только не проводится какая-то скоординированная масштабная операция.

Есть несколько способов доставки письма. Через Равшан: воспользоваться магическим почтовым ящиком или отправить через магический телепорт (Арка) личного вестни-

ка (птицу) /фамильяра/посыльного. Через личный артефакт «шкатулка», внутрь кладётся какой-либо предмет, называется адрес и он появляется в такой же шкатулке по названному адресу.

И изначально «шкатулки» позиционировались, как абсолютно безопасный способ доставки, поскольку привязывались не только к самому хозяину, но и к дому, где она будет работать. Любое вмешательство, любая попытка «срезать» путь или изменить его вызвали мгновенный магический резонанс, который уничтожил бы послание.

Но... Раз даже их используют... Значит кто-то добыл сведения о разработке этих самых шкатулок.

По сему выходит, что все письма на любом этапе могли перехватываться с обеих сторон и подменяться. И тут вариантов когда и как это сделано, столько, что голова разрывается. Это звучит слишком параноидально, но если постараться и подобрать соответствующих мастеров...

Кто-то пытается изолировать Аксамат, отрезать от центра Империи. Изолировать — зачем?

Заговор против Империи или ради свержения Императора?

Звон стали... Терпкий и тяжёлый запах пота, смешанный с едким запахом крови, свежей и запёкшейся. Стоны устав-

ших рядовых, которые уже не могли нормально двигаться из-за полученной сегодня нагрузки.

Их стоны и кряхтение, эхом разносящиеся по тренировочной площадке, должны меня успокаивать. Я сам бросаюсь в бой с дикой яростью, позволяя огню плясать на клинке, а ярости — кипеть в жилах, пока каждый мускул не сводило от боли, а лёгкие не горели от напряжения.

Но вместо облегчения, которое приходит вместе с болью в мышцах, как подтверждение приложенных усилий, я только сильнее раздражаюсь. Как будто всего этого недостаточно. Как будто сам воздух, пропитанный летней духотой и влагой, смеётся над моей попыткой обрести покой в физическом изнеможении.

Жаркий июльский день, который обычно навевает лишь ленивую истому, сегодня кажется раскалённой наковальней, по которой стучал молот моей собственной ярости.

Неделя. Я терпеливо перебирал бумажки целую неделю. Каждый свиток пергамента, каждая печать, каждый скучный отчёт о добыче пушнины или количестве заготовленной древесины — всё это кажется таким мелочным и незначительным на фоне недавно обретённой надежды. Надежды на то, что на этой территории наконец-то появился маг природы.

Может быть, поэтому разочарование от того, что её никак не могут найти, так велико? Каждая минута, проведённая за бюрократией, кажется упущенной навсегда, отнимающей время, которое можно потратить на поиски. Я чувствую,

как внутри меня разгорается пламя нетерпения, обжигающее, разъедающее терпение.

— Не могла же она раствориться в воздухе! — выкрикиваю я, когда ко мне подходят с очередным бессмысленным донесением, прерывая мои попытки привести мысли в порядок. — Это что? Издевательство Леса? — продолжаю я, повышая голос до такой степени, что тренирующиеся солдаты замирают и переводят взгляды на нас. Жаркий воздух вокруг меня дрожит, словно от невидимого пламени. — Она точно была живой? Из плоти и крови? — Я резко поворачиваюсь к Ирсису, который смотрит на меня с растерянным сожалением. Он хмурится, потом хочет что-то сказать, но не может. Да и что тут скажешь? — Всем отдыхать...

20 июля 2104 г

Ирсис Квейли

Гнетущая тишина в кабинете принца висит в воздухе, как густая июльская влага за окном, резко контрастируя с танцующими пылинками, которые ловят лучи солнца, проникавшие сквозь высокие арочные окна.

Эти золотистые лучи, которые обычно успокаивают, лишь подчёркивают мрачную картину, разворачивавшуюся передо мной, освещая безумный беспорядок в том, что когда-то было оплотом порядка. Запах старого пергамента, засохших чернил и едва уловимый металлический привкус отчаяния висели в воздухе гуще, чем любая летняя дымка.

Кабинет, который обычно представляет собой тихий порядок и чистоту, сейчас больше напоминает развороченный архив. Столы стонут под тяжестью коробок с документами. Чернильницы стоят без крышек рядом с брошенными перьями, кончики которых всё ещё испачканы чернилами в отчаянной попытке расшифровать что-то.

Несколько дней бессмысленных копошений. Элиас, как послушный исполнитель, скрупулёзно и лихорадочно разбирает кипы бумаг, сваленных в кучу в лихорадочном поиске связи. Его лицо, обычно такое спокойное и сосредоточенное,

выражает крайнее напряжение и отчаянную потребностью найти что-то...

Смотреть на то, как принц судорожно пытается разобраться, в какой момент он попал в ловушку заговора... Увлекательно и тревожно. Всё это не даст ровным счётом ничего... В конечном итоге письма подменяются не в этом кабинете, а там... На другой стороне. И принц это тоже понимает...

— Г-господин... — Элиас медленно поднимает голову к нам, его руки слегка подрагивают, а глаза выглядят такими большими, что впору беспокоиться, как бы не выпали из орбит... — Пять лет... Всё это... — он машет рукой в сторону уже сложенных коробок... — Причём... Нет конкретного дома или организации с которой это началось... Выглядит так, словно... всё сделано одновременно. — Слова висают в воздухе, отягощённые невысказанными мыслями, словно похоронный звон по последней надежде.

Реджинальд медленно, почти незаметно опустился на ближайший стул, и тяжёлое дерево протестующе закрипело. Он не смотрит ни на Элиаса, ни на меня, его взгляд устремлён в далёкий горизонт, словно он ищет ответы в облаках.

Принц медленно оседает на стул, а я поджимаю губы, не имея ни малейшей возможности что-то сказать... Да и надо ли? Я сжимаю губы.

Искусство написания писем, особенно официальных, может показаться непосвящённому простым делом. Но для тех,

кто служит в Имперской канцелярии, это совсем не так. Это почти священный ритуал...

Сами чернила, которыми пишутся официальные письма, указы и секретные доклады, содержат уникальный магический отпечаток автора. Не просто след, безвозвратно связывающий документ с его автором. Это надёжная система защиты Империи, которая разрабатывалась на протяжении тысячелетий, чтобы свести к минимуму вероятность подделки, перехвата или признания писем «бессмысленными», если они попадут не в те руки.

Конечно, при наличии достаточного желания, навыков и грубой силы можно подделать магический отпечаток. Одно, может быть, два письма. Но воспроизвести эту сложную магическую подпись сотни раз на бесчисленных документах с такой ужасающей регулярностью и в течение такого длительного времени...

Это граничит с безумием. И невероятно дотошной подготовкой.

Пять лет. Целых пять лет, и ни одна душа, ни один самый проницательный придворный маг, ни один самый опытный имперский агент даже не заподозрили неладное. Нет... Не пять лет.

Такая масштабная, глубоко укоренившаяся схема не могла возникнуть за несколько лет. Должно быть, семена были посеяны десятки, а может, и сотни лет назад. Они дремали, тщательно взращиваемые под поверхностью Империи, и

ждали своего часа, чтобы расцвести ядовитыми цветами.

Механизмы доставки писем у нас отлажены веками.

Разумеется, время от времени находились те, кто стремился использовать эти системы в своих целях. Секретные послания, зашифрованные сообщения, шёпот заговорщиков — всё это были неизбежные тени, отбрасываемые любой великой державой. Это естественный порядок вещей. Контролировать каждого невозможно.

Однако... Масштаб с подменой писем ограничивается не личной перепиской... И даже не отчётами... Императорский дворец, почтовая служба, гонцы, фамильяры.

Сколько же лет потребовалось, чтобы сплести такую запутанную сеть? Расставить своих людей — не просто информаторов, а полностью вовлечённых, обладающих магическими способностями агентов — в каждом значимом доме, каждом имперском почтовом отделении, каждом критически важном узле коммуникационной сети?

Дело ведь не столько в письмах или в годах.

Эльфы долгоживущая раса известная своей рассудительностью. Сколько эльфов было вовлечено в это? Ни один человек, ни одна организация не смогли бы совершить такой подвиг. Это заговор, который свидетельствует о коллективной воле, общей тёмной цели, объединяющей целые родословные, а возможно, и целые тайные общества.

Принц, по-прежнему хранящий молчание, наконец поднимается со стула. В его глазах, мелькает знакомая реши-

мость, хотя и смягчённая глубокой усталостью последних дней. Отчаяние не исчезло, но отступило, уступив место холодной, расчётливой решимости.

— Эти поиски здесь... — голос Реджинальда низкий и хриплый от долгого молчания, он разрезал тишину, как щепка. — Это бесполезно. — Он обводит взглядом захламлённую комнату, молча признавая титанические, но в конечном счёте напрасные усилия Элиаса. — Подлинных писем, которые доходят до этого офиса, очень мало. Поддельные письма настолько хороши, что определить, где правда, а где лож, практически невозможно. Это как гоняться за собственным хвостом. — Он повернулся и, прищурившись, посмотрел на меня. — Ирсис... отправляйся в Бишамонтен. К Герцогу Вию. Доставь последние документы... И захвати портрет... Может Герцог сможет что-то найти на эту девушку...

— Я понимаю, мой принц, — сказал я ровным голосом, несмотря на всю серьёзность задачи. — Я пойду собираться.

Реджинальд Агариус

Тяжесть последних событий давит на плечи непосильным грузом, словно наковальня, выкованная в самой глубине Бездны, а не просто человеческими руками. Каждый мускул, каждая клеточка моего тела кричит от напряжения, не от физической усталости, а от груза ответственности и оглушительного осознания собственной слепоты.

Понимаю, что у всего есть причины. Понимаю, что заговорщики не какие-то дорожные бандиты, раз им удавалось дурачить не только меня... Всех. Я не вправе винить себя в бездействии или недальновидности.

Но это не утешает.

Заговор сработан с мастерством, достойным восхищения, если бы не его разрушительная суть. Однако... моя репутация как одного из наследников будет уничтожена, если кто-то решит представить это как доказательство моей неспособности управлять землями. И не только.

Я тяжело вздыхаю и откидываюсь на спинку кресла. Кожаная обивка, обычно уютная и мягкая, теперь кажется холодной и чужой. Я закрываю глаза, чувствуя, что из меня словно вынули не только силы, но и стержень, самую основу, на которой держались мои убеждения, моя вера в порядок и справедливость.

Сорок лет. Сорок лет, которые я провёл в Аксамате, стараясь добросовестно выполнять свои обязанности, вершить правосудие, защищать местных охотников и их семьи, следить за порядком в бескрайних северных лесах... теперь кажутся потаканием чужому коварному плану.

Чувство, что я был всего лишь пешкой, чьё предназначение — невольно служить интересам врагов Империи, невыносимо. Горькая усмешка застряла в горле, не находя выхода.

Мне хочется сорваться с места.

Выйти из этого кабинета, стены которого, казалось, поглощали весь кислород. Выйти под открытое июльское небо, которое сейчас сияло обманчивой невинностью над густыми лесами Аксамата, и пронзительно закричать, чтобы эхо многократно отразилось от скал и унесло мою ярость прочь.

Не раздумывая, отправиться сначала в Равшан. Перевернуть там всё вверх дном от крыши самой высокой башни до самого глубокого подземелья. Выкорчевать всех, кто имел отношение к этой гнили, раскрыть их тайны до последнего вздоха.

А потом проделать то же самое во дворце. Перетрясти все поместья. Засадить всех в самые дальние тюрьмы, в самые тёмные и сырые ямы, куда не проникает ни один луч света. И пытаться. Пытаться так, чтобы они выложили всё как на духу: кто, зачем, почему... чтобы я мог понять, что я упустил, где была та роковая ошибка, которая привела к такому катастрофическому положению дел.

Но вместо этого я сижу.

Сижу и пытаюсь унять бушующий во мне пожар недовольства и разочарования, до боли сжимая кулаки. Суставы хрустят, кожа натягивается. Пальцы впиваются в резные подлокотники кресла, и старое, высушенное дерево отзывается тихим стонущим треском.

Из-за этого Элиас, который раскладывает по датам документы, лежащие на столе, вздрагивает. Его пальцы, обычно такие ловкие, роняют тонкую пергаментную карту. Он опас-

ливо косится в мою сторону, его обычно мягкие черты лица напряжены, а глаза цвета летнего неба полны тревоги.

Он боится. Я это знаю. Он боится моей ярости, которая витает в воздухе густым удушающим смогом. И я его не виню. Мой огненный дух сейчас готов сжечь всё на своём пути.

— Надо проветрить голову, — думаю я, и эта мысль пронзает меня, как глоток холодного горного воздуха.

Стоя на каменной площадке и наблюдая, как старый Ир-сис, закутанный в свой вечный дорожный плащ цвета сухой земли, садится в повозку. Его мудрое морщинистое лицо сосредоточенное, но не встревоженное. Кажется, что за пять тысяч лет жизни он научился встречать любую бурю с невозмутимым спокойствием.

Ирсис усевшись на лошадь, немного на ней покрутившись, отправляется на выход, скрываясь за воротами.

Когда стихает цокот копыт, я замираю, ощущая тяжесть тишины, наступившей после отъезда. В голове гудит, а внутри царит хаос из незаконченных мыслей. Не раздумывая, я разворачиваюсь и тоже иду на выход из резиденции.

Прочь от резиденции, от стен, от улиц.

Высокие каменные стены, мощные ворота, которые сейчас распахнуты, пропуская поток охотников и крестьян. Я сворачиваю не на дорогу, а на узкую тропинку, ведущую к

западным воротам. Здесь, вдали от центра, воздух чище, а звуки города постепенно затихают, уступая место шуму леса.

Тропа, узкая и поросшая мхом, становится всё менее различимой, едва заметной среди корневищ, выпиравших из почвы, словно венозная система гигантского существа. Вековые сосны и ели поднимаются к небу, образуя плотный зелёный купол, сквозь который пробиваются лишь редкие солнечные лучи, падая на землю золотыми пятнами.

Воздух пропитанный озоном и едва уловимым ароматом смолы, заполняет меня изнутри, погружая в спокойствие и я позволяю своим мыслям блуждать, освобождаясь от излишней тягости. Лес окутывает меня словно древнее живое покрывало. Папоротники, высокие и пышные, образуют целые заросли, а под ногами хрустят сухие ветки и мягко пружинит мох.

Неожиданно я выхожу на небольшую поляну. Она скрыта от прямых солнечных лучей густой листвой, но сквозь просветы в кронах деревьев на неё падает рассеянный, мягкий свет. В центре поляны, окружённой высокими папоротниками и кустами, протекает небольшой ручей.

Его прозрачная и холодная вода весело журчала, перепрыгивая через камни и стекая в неглубокий водоём, где росли водяные лилии. Это место было таким безмятежным, таким идеальным, что казалось, будто оно соткано из сна.

Мой взгляд скользит по поляне, останавливаясь взглядом на ней.

Она сидит у самого края реки на поваленном дереве, спиной ко мне, едва различимая среди цветов и травы. Её волосы... цвета свежесвыпавшего снега, почти белые, с лёгким серебристым отливом, рассыпанные по плечам и спине, касаются земли.

На фоне буйной зелени леса и ярких цветов её фигура кажется неземной, нереальной, словно мираж.

Моё сердце совершает странный, неожиданный скачок. Это не влечение, не угроза, а нечто иное — первобытное любопытство, удивление и... узнавание.

Это она. Та самая.

Я делаю шаг вперёд, стараясь не шуметь, чтобы не спугнуть её. Земля под ногами мягко пружинит. Мои движения, обычно бесшумные, здесь, в этом спокойном месте, кажутся неуклюжими. Возможно, это просто желание быть замеченным, нежелание вторгаться без предупреждения.

Она вздрагивает, резко поворачивает в мою сторону лицо с тонкими чертами и широко распахнутыми чистыми голубыми глазами, с мерцающим оттенком, словно в них отражался тусклый лунный свет. Быть может, это глаза, которые видели слишком много леса и слишком мало людей.

В них нет ни гнева, ни любопытства, только чистый, неподдельный страх. Он вспыхнул в её взгляде, словно искра, и тут же погас, уступив место панике. Секунда. Может две. Мои губы уже были готовы произнести приветствие, какое-нибудь банальное слово, чтобы развеять её испуг, но я

не успел.

Словно дикая лань, застигнутая врасплох, она вскочила на ноги. Её движения были невероятно быстрыми и грациозными, почти нереальными. Она не побежала в прямом смысле этого слова; она... скользнула. Словно тень...

Её стройная фигурка мелькнула среди папоротников, скрываясь в гуще кустов. Исчезла. Ни единого шороха, ни одной сломанной ветки, ни одной примятой травинки. Просто исчезла. Растворилась в зелени, как будто её и не было.

Я стою, оглушённый этим внезапным исчезновением.

Поляна опустела, лишь шум реки нарушает тишину. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву, играют на водной глади. Всё было точно так же, как и мгновение назад.

Алесеида

За окном старого, покрытого мхом замка, воздух кажется непривычно тяжёлым. Не душным, нет. Скорее плотным, насыщенным невысказанными словами, скрытыми тревогами. Северное солнце, хоть и стоит высоко, не может разогнать тени, которые с недавних пор легли на Лес. Оно лишь подчёркивает их резче, делая видимыми для тех, кто умеет смотреть.

Я чувствую перемены. Лес раздражён. Его шёпот, обычно мелодичный и успокаивающий, теперь звучит как низкое, непрерывное ворчание. Он нетерпеливо перебирает ветвя-

ми, заставляя листья дрожать не от ветра, а от внутреннего беспокойства.

А всё из-за того спасённого старого эльфа, который забрёл на поляну с звёздным мхом и Сердцем зимы. Я не жалею что спасла его... Но, кажется, я подтолкнула какие-то события, которые долго сдерживались стараниями самого Леса. Хотя... Если бы он не привёл меня к нему, он бы просто умер.

Собственно с того дня Лес не умолкал. Он ворчит о том, как всё это несправедливо. Вот уже несколько лет, один рыжеволосый эльф или его подчинённые, рыщут Нурдоолот, в котором я живу, с фанатичной целеустремлённостью.

Но теперь...

Теперь его внимание приковано не только к Замку, но и ко мне.

Вздохнув, я провожу пальцами по карте. Какая цель настолько важна, что ради неё он готов нарушить покой древних чащоб? И, самое главное, почему я теперь стала частью его поисков?

— Айсван, — поднимаю голову к дереву, рассматривая его прекрасные цветы. — Лес... Говорит о рыжеволосом эльфе, который ищет Замок. И, кажется, меня тоже. — Он замер, медленно переводит взгляд на меня. И я с надеждой ожидаю, что он расскажет мне какую-то душераздирающую историю. Но он только горестно вздыхает. Этот тяжёлый, полный сожаления вздох наполняет библиотеку. — Айсван...

Ещё один вздох. Более глубокий и тяжёлый, чем первый. Словно он пытается выдохнуть из себя не только воздух... Он качает головой, и этот жест полон такой безысходности, что внутри начинает разливаться чувство беспомощности.

Он молчит. Просто молчит.

Неужели это из-за того, что он Хранитель? Или из-за того, что эта история связана не с ним, а с Хаммондом? Духи как правило не вмешиваются в дела живых, а потому с ними сложно разговаривать. Если бы только это не касалось меня, я бы тоже осталась безучастной. Но...

Раздражение подкатывает, заставляя хмуриться.

Собственно... что я могу сделать? Ничего. Я не могу выпытать ответы у Айсвана. К тому же он может в любой момент исчезнуть, если мои расспросы станут для него обременительными... И тогда уже ничего не будет иметь значение.

Я отворачиваюсь от него, чувствуя, как внутри всё сжимается. Не сказать, что мне безумно интересно всё. В конце концов, не сложно догадаться, зачем я могу быть полезной эльфу, который ищет Замок.

Наверное... Нет. Мне просто хочется поговорить об этом... Здесь почти ничего не происходит.

Но быть пешкой в чужой игре, инструментом для достижения чьих-то целей — эта мысль мне отвратительна.

Мотнув головой, чтобы отогнать мрачные предчувствия, я вскакиваю с мягкого дивана. Моё тело требует движения. Я потягиваюсь, чувствуя, как перекачиваются мышцы, делаю

несколько наклонов и поворотов.

На улице тёплая и солнечная погода, поэтому сидеть в четырёх стенах ощущается, как преступление. Конечно, осознание того, что меня кто-то ищет, не добавляет спокойствия. Но сидеть взаперти, дрожа от страха, бессмысленно и глупо.

Я выхожу из библиотеки, минуя длинные гулкие коридоры, и оказываюсь в своих покоях. Накинув плащ из плотного защитного сукна, цвет которого идеально имитирует оттенки хвои и старого мха, я покидаю замок через боковой пост.

В лицо бьёт свежий воздух, наполненный густым запахом смолы, влажной земли и цветущих трав. Я делаю глубокий вдох, наслаждаясь умиротворяющей тишиной, которую нарушает лишь отдалённый шум воды.

Я не хочу уходить далеко. Огибаю массивные стены заставы и направляюсь вверх по течению реки. Здесь природа берёт своё: тропинки едва угадываются под ковром из коричневых иголок и черники. Иду мимо вековых лиственниц, кора которых покрыта седыми лишайниками.

Солнце, висящее высоко в зените, едва пробивается сквозь густые кроны, рисуя на земле причудливые узоры. Воздух прогрелся до приятных двадцати градусов, но от реки веет живительной прохладой.

Впереди виднеется то самое поваленное дерево — огромный старый кедр, рухнувший, несколько зим назад. Он перегородил часть берега, образовав уютную нишу, скрытую от

посторонних глаз, из-за чего стал отличным местом для отдыха.

Я присаживаюсь на шершавый ствол и закрываю глаза. Мне нужно привести мысли в порядок, выбросить из головы печальные вздохи Айсвана и загадочного рыжего эльфа. Я пытаюсь настроиться на ритм Леса, понять его глубже, стать его частью. Я чувствую, как потоки энергии — медленные, мощные, как подземные реки, — проходят сквозь землю под моими ногами, как они переплетаются в корнях растений, создавая невидимую живую сеть.

Мир вокруг начинает вибрировать. Я погружаюсь в полудрёму, растворяясь в симфонии шума воды и шелеста листьев. Это состояние блаженства, когда ты перестаёшь быть «собой» и становишься просто точкой в пространстве.

Тем неожиданнее вплетается в эту гармонию что-то иное. Это не звук. И не движение воздуха.

Это тепло. Чужое, пульсирующее тепло, которое не принадлежит ни Лесу, ни воде, ни камням. Оно кажется мне смутно знакомым, как забытый сон из детства, но в то же время оно совершенно чуждо этому месту.

Это не Хаммонд...

Он стоит на краю поляны, среди высоких папоротников, скрытый от прямых солнечных лучей тенью вековых елей. Я успела разглядеть лишь мелькнувший силуэт, но одна деталь врежется мне в память ярким, почти болезненным пятном: его волосы цвета пламени, ярко-рыжей копной, которая вы-

деляется на фоне зелени Леса, словно закатное солнце.

Я не успела разглядеть его лицо или глаза. Но он высокий и стройный, а его движения, насколько я могла судить по застывшей позе, полны силы и уверенности. Он смотрел на меня. Я чувствовала на себе его пронзительный и цепкий взгляд даже на расстоянии.

Секунда. Может, две. Этого было достаточно. Мой инстинкт, тот самый, что спас старого эльфа, теперь кричал: беги. Я не раздумываю. Никакое любопытство не может перевесить этот мощный внутренний толчок.

Я вскакиваю на ноги, не издав ни звука, и тут же ступаю на Тропу, не оборачивалась, моментально оказываясь перед Замком...

— *Ты быстро.* — рядом со входом стоит заинтересованный Айсван, который поворачивает голову в сторону Леса и тяжело вздыхает снова... — *Вот ведь... Он вышел к тебе сам...* — бурчит под нос, сокрушенно качая головой. — *На самом деле эту историю знают почти все в вашей Империи.*

Айсван

Многие знают о незавидной участи младших или тех, кто хоть как-то не удовлетворяет возвышенные стандарты «сильных правящих». Он был младшим в семье правящего короля. Беспольный по мнению многих, ребёнок со слабым здоровьем. Тот, кто не должен был прожить и пары лет, даже с

помощью магии. Возможно, для них не было ничего ужасного в том, чтобы принести в жертву кого-то слабого, который больше ни на что не годился.

Впрочем, не важно, был он слабым или нет. Для своей матери он драгоценное дитя, которому требуется тепло, любовь и море заботы, чтобы стать сильнее. Она так его хотела, что любила безмерно! Муж «обещал», что не станет трогать его, даст время. Он не сдержал «обещание». Дождался момента. Забрал... А когда она пришла... Мальчишка сам забрался на «алтарь», доверчиво глядя в глаза сумасшедшего родителя.

Мне, наблюдавшему тысячи подобных смертей, не было жаль ни матери, ни ребёнка... К тому же, хоть я и помог Алсеиде выжить, увы, на тот момент вмешиваться в дела живых не было желания. Они не вызывали во мне ни трепета, ни удивления... Ничего.

Вторгнувшиеся на мою территорию, разрушившие мой мирный уклад существования, неожиданно облюбовавшие мои тропы и бесконечно проливающие кровь... Они вызывали отвращение, поэтому живым больше, живым меньше... Какая разница? Это неплохое развлечение. (Удивительно, что я так думал.) К тому же, никто из них не просил меня о помощи.

Ритуал прошёл прекрасно. Душа, сама принявшая свою участь, легко срослась с камнями и гордо ходила по коридорам, невидимой сущностью помогая Королю творить страшные дела, ничего не понимая. Ребёнок... что с него взять?

Жаждающий внимания и похвалы, он не задумывался ни о правильности поступков, ни о том, какой вред они несут ему самому. Ведь дальнейшие ритуалы подпитки духа, чтобы тот развился, были далеко не светлыми и добрыми.

Не знаю, с чем это было связано. Возможно, в момент привязки его души к Замку, тот успел что-то сделать с его воспоминаниями и восприятием мира, чтобы тот был всецело предан ему и не ненавидел за скоротечную жизнь и столь бесчестное завершение жизни.

Впрочем, время не стоит на месте. Любопытный маленький дух впитывал всё без остатка. А имея доступ ко всем уголкам дворца, он мог наблюдать не только за жестокостью властолюбивого отца, но и за нежной любовью простых семей, которые щепетильно относились к своим отпрыскам. Времени потребовалось не мало, но в итоге и его задели простые вопросы: «Почему я?»; «Почему именно так?»; «Чем я отличаюсь?» и другие...

А потом он наконец заметил одинокую женщину, плачущую у трона, просящую прощения, что не уберегла, что не защитила. Удивительно было то, что он за все эти годы ни разу не стал добровольным свидетелем чужой скорби, отчаяния и ненависти.

(Не без моего вмешательства... Ведь женщина всегда плакала под моей кроной... Она просила о помощи бессвязно и, вероятно, сама не поняла, что сделала именно это. Всего пары листьев хватило, чтобы разрушить заклинания и влия-

ния на Хаммонда.)

Что ж... Духи могут быть благосклонны. Но из-за отсутствия жизни в нас, мы меньше обременены моральными принципами живых... Хотя... Говорить о морали в месте, где совершались жертвоприношения детей? Смехотворно.

Он не сразу перестал слушаться Короля. Возможно, путь осознания того, что его просто использовали в угоду эгоистичным целям, оказался куда более болезненным. Впрочем, сделать с этим уже ничего нельзя было. Колесо запущено...

Он выполнял приказы на автомате. Бездумно ходил по коридорам, пытаясь что-то найти. Осматривал всё так, словно видел это впервые. А потом Хаммонд замолчал, перестав даже появляться перед Королём, который от разъедающей его ненависти начал приносить жертвы в два раза больше.

В какой-то момент светлый Замок, который светился от радости и изобилия, даже несмотря на белые стены, стал походить на склеп... Возможно, чувствуя свой собственный предел... Потеряв остатки разума и набравшись наконец смелости... Та женщина пришла в один из ритуалов... В тот день их история закончилась у подножия этого самого трона.

Король, убивший сына... Сын, ставший Замком... Мать, что на последнем вздохе прокляла и мужа, и трон, на котором был принесён в жертву её сын... До нелепого печальная, отвратительная и мрачная история. Северного Замка, который когда-то был дворцом Солнечного Короля, стал Проклятым Аббатством, несмотря на свои светлые стены...

21 июля 2104 г

Ирсис Квейли

Биш... Поместье Бишамонтен. Стены, высеченные из светлого камня, кажутся полу прозрачными в лучах полуденного солнца. Это выглядит настолько красиво, что сюда часто приезжали путешественники, чтобы просто посмотреть на поместье.

Я уже давно не покидаю Лашу, разве что раз в несколько десятилетий приезжаю в Аксамат, чтобы собрать и заготовить необходимые травы. Поэтому мне сложно вспомнить, как выглядел Бишамонтен сто лет назад.

Но я помнил его красоту, его живую, дышащую энергию, какой и должно быть родовое гнездо столь могущественного Герцога. Это воспоминание делало нынешнее зрелище ещё более тревожным. Что-то изменилось.

И весьма кардинально.

Обычно дорога, ведущая к Бишамонтену, оживлена: стук колёс карет, смех зажиточных торговцев, цокот копыт королевских посланников. Сейчас же улица рядом с поместьем была пуста. Ни одной кареты, ни одной лошади, ни одного праздного зеваки, привлечённого былой красотой. Все держатся от него на расстоянии, как от прокажённого.

Даже у массивных кованых ворот не стоят гвардейцы, которые должны сообщать о прибытии гостей. Тишина настолько неестественная, какая-то липко-давящая, нарушаемая лишь шелестом невидимого ветра в бледных кронах деревьев.

Нахмурившись, я переступаю порог, разделяющий внешний мир и усадьбу, и тут же невольно ёжусь от нахлынувшей прохлады, которая до ужаса неестественна для тёплого летнего дня. Это не просто холод, а магическая стужа, пробирающая до костей, несмотря на лёгкую летнюю одежду.

Воздух вокруг меня словно уплотнился, стал вязким и мерцающим. Каждый вдох отдаётся лёгким жжением в лёгких, как будто ты дышишь морозным воздухом на вершине заснеженной горы, а не в разгар лета.

Сад, который должен быть наполнен буйством красок и ароматов, выглядит так, словно его коснулось дыхание самой зимы.

Лепестки роз покрыты тонким, почти прозрачным слоем инея, который искрится под полуденным солнцем миллионами крошечных холодных алмазов. Их нежный аромат сменился резким запахом озона и застоявшегося холода. Листья на кустах и деревьях бледные, почти прозрачные, словно выцветшие призраки самих себя, а их прожилки проступают на поверхности, как тончайшие узоры паутины, сотканной из льда.

Я протягиваю руку, и мои пальцы скользнули по листу,

мгновенно покрывшись мельчайшими кристалликами льда, несмотря на мою природную устойчивость к подобным воздействиям.

Земля под ногами твёрдая, как камень, и при каждом шаге раздаётся лёгкий хруст тонкого первого льда. Травинки стоят как стеклянные иглы, покрытые белой изморозью. Даже камни на дорожках покрыты ледяной глазурью и отражают тусклый солнечный свет.

Это явно не природная аномалия... И масштабы её воздействия... Неконтролируемый выброс магии? В Герцогстве что-то случилось?

Взгляд снова переходит на ворота, за которыми даже с виду, куда теплее...

Я ускоряю шаг на главной аллее, ведущей к парадному входу в поместье. С каждой минутой холод усиливается, а воздух становился всё более разреженным. Деревья вдоль аллеи, величественные дубы и клёны, теперь стоят безмолвными стражами, их ветви усыпаны сосульками, которые в дневном свете кажутся хрустальными.

Парадный зал, обычно залитый светом и украшенный богатыми гобеленами, погружён в полумрак. Из окон едва пробиваются тусклые лучи, превращая интерьер в серый безжизненный пейзаж. Каменные стены, такие величественные снаружи, здесь кажутся холодными и враждебными.

— Граф Ирсис, — из боковой двери ко мне выходит эльф, который в тусклом свете холла кажется мертвенно бледным

и почти прозрачным и это при том, что он явно выходец из огненного клана, судя по волосам. — Элсор Бриндорин. Секретарь-камергер Герцога. — кланяется, положив руку на грудь... на мгновение мне кажется, что наклонись он ещё чуть вперёд, то непременно рухнет на кафельный пол. — Приветствую.

— Что здесь происходит? — открываю сумку, достаю из неё восстанавливающее зелье и вкладываю в руку. Элсор переводит почти пустой, затуманенный болью взгляд вглубь поместья. Из его груди вырывается тяжёлый, надрывный вздох. — У Эльнесара магическое буйство? Где он?

— Его светлость... в своих покоях, — выдавливают Элсор, указывая дрожащей рукой на лестницу, ведущую на второй этаж. Видимо для начала придётся разобраться с состоянием Герцога и привести его в чувства, а потом уже обсуждать какие-либо дела.

С каждым шагом вверх холод становится всё сильнее, пронизывая до костей. Воздух становился не просто разреженным, а кристаллизированным. Балюстрада, искусно вырезанная из тёмного дерева, покрыта толстым слоем инея, а на резных столбах висят сосульки, сверкающие в тусклом свете, пробивающемся сквозь ледяную глазурь окон.

Потолки, обычно украшенные фресками с изображением летних садов и солнечных небес, теперь усыпаны мельчайшими ледяными кристаллами, создающие иллюзию затянутого туманом звёздного неба. Наши шаги гулко отдаются в

ледяной тишине, нарушаемой лишь редким скрипом дерева под натиском холода.

В конце коридора, где предположительно находятся покои Герцога, виднеются двойные дубовые двери, покрытые слоем льда толщиной с мою ладонь. Они буквально вмёрзли в дверной проём, запечатав за собой источник магического кошмара.

— Отойди, Элсор, — приказал я, подходя к двери
Вот ведь несносный мальчишка.

Я касаюсь ледяной корки. Моя рука, мгновенно покрывается белой изморозью, а кристаллы льда больно впиваются в кожу, отчего на поверхности появляются капельки крови, пачкая лёд и высвобождая мою магию. Из кончиков моих пальцев, от ладоней, расходятся тёплые золотистые волны, проникающие в лёд.

Это не попытка растопить его, а скорее стремление понять, почувствовать его структуру и природу. Магия земли не противостоит, она обволакивает, проникает, поглощает и стабилизирует. Медленно, с усилием я начинаю вливать свою силу в лёд, превращая его из твёрдой, неприступной брони в хрупкую, податливую субстанцию.

Ледяные кристаллы на дверях дрожат, на них появляются трещины, и с тихим сухим треском они начинают осыпаться, превращаясь в ледяную пыль. Я отступаю на шаг, и двери с грохотом распахиваются, открывая взору зрелище, от которого любой в ужасе бежал бы прочь.

Зрелище, представшее моему взору, заставило бы любого в ужасе бежать прочь. Не комната, а ледяной склеп. Некогда роскошная мебель, обитая тяжёлым изумрудным бархатом, теперь кажутся причудливыми скульптурами в музее кошмаров. Слой льда настолько толстый, что очертания кресел и столов искажались, превращаясь в гротескные тени. Окна затянуты таким плотным инеем, что дневной свет едва пробивается сквозь него, приобретая мертвенно-голубой оттенок.

Эльнесар спит в огромном кресле, запрокинув голову и обнажив тонкую шею, по которой, словно ядовитые змеи, расползаются синие вены и ледяные узоры. Дыхание прерывистое и хриплое. С каждым выдохом из его груди вырываются стоны — тяжёлые, полные невыносимой муки. Они тут же замерзают в воздухе, превращаясь в крошечные звенящие осколки, которые оседают на его камзоле мёртвыми звёздами.

И всю эту картину венчает хаос земного падения. Вокруг кресла валяются пустые бутылки из-под самого крепкого эльфийского вина — того, что обжигает горло, но, видимо, не способно согреть сердце, превратившееся в кусок льда. В правой руке Герцог сжимает стакан, наполовину наполненный мутной жидкостью, которая уже покрывается льдом по краям.

— Эльнесар, — зову тихим, но властным голосом, пытаясь привлечь внимание. Не реагирует. Я нащупываю во

внутреннем кармане пузырёк, достаю и быстро читаю, что в нём. Успокоительный настой собственного приготовления — концентрат корня земли и сонной лозы, усиленный моей силой. Вещество, способное усыпить даже разъярённого дракона. Я перехватываю его руку со стаканом. — Пей, — тоном, не терпящим возражений, произношу я, поднося фидал к его губам. — Пей, Эл, или я заставлю тебя силой. Ты же знаешь, я могу.

Эльнесар дёргается, в его глазах на мгновение вспыхивает ярость, а температура в комнате падает ещё на несколько градусов. Прямо из пола вырастают ледяные колья, стремясь пронзить мои ноги. Я пиво усмехаясь, топая каблуком, посылая мощный импульс в землю. Золотая волна прокатывается по полу, сминая ледяные пики и превращая их в пыль.

Он хрипло выдыхает, и я пользуюсь моментом, чтобы влить содержимое флакона ему в рот. Он закашливается и пытается оттолкнуть меня, но я крепко держу его за плечо, вливая в него ещё и свою магию, стабилизируя пульс и успокаивая его метаемое сознание.

Лекарство подействовало почти мгновенно. Сильный снотворный эффект гасит пожар — или, скорее, ледяную бурю — в его крови. Веки Эльнесара тяжелеют. Стакан выпадает из рук и разбивается о ледяной пол. Его голова бессильно падает на грудь.

Магическое буйство успокаивается, но не исчезает. Воздух по-прежнему обжигает, а иней продолжает медленно

стекать по стенам. Я знал, что это лишь временная передышка. Магия льда слишком глубоко укоренилась в его сущности, подпитываемая горем и алкоголем.

Я выпрямляюсь, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. Я пытаюсь размять их, слушая хруст суставов, которые задереженели от напряжения.

— Он спит? — Элсор продолжает стоять около входа, смотря оттуда на нас с беспокойством. Я медленно киваю, обвожу взглядом комнату, находя небольшой столик. Подойдёт.

Я достаю из-за сумки записную книжку и перо с чернилами. Быстрыми, чёткими движениями я черкаю рецепт: Эссенция солнечного корня, измельчённый жемчуг из глубин Южного моря и пыльца золотого аканта.

— Вот список, — я протягиваю бумагу. — Это поможет восстановить магические каналы. Готовить на медленном огне, давать по три капли три раза в день, когда он придёт в себя. — Элсор дрожащими руками берёт лист и быстро пробегаёт глазами по строчкам. — Тебе нужно достать «Оковы Хельхейма». Или, если их не найдётся в казне, подойдёт любой качественный «Пепельный обруч». Эти артефакты временно зафиксируют его силу, создав внешний контур сдерживания. Они не подавят магию, но запрут её внутри, не давая ей реагировать на его эмоциональные всплески. — Элсор кивнул, его лицо стало серьёзным.

— Я сейчас же прикажу разобраться с беспорядком... —

выдыхает и бросает ещё один обеспокоенный взгляд в сторону Герцога. — Я покажу вам комнату, в которой вы сможете отдохнуть. — Я выхожу из комнаты вслед за секретарём.

В коридоре уже гораздо теплее, чем несколько минут назад. Изрезанная ледяными кристаллами рука, начинает болеть, напоминая о том, что следует и своему здоровью уделить внимание. Здоровой рукой, я ныряю в сумку, чтобы достать пузырёк с восстанавливающим и только выпив его, позволяю золотистому свету ещё раз пробежаться по коже, загибая порезы.

Прежде чем закрыть за собой дверь, я ещё раз оборачиваюсь, наконец остановив свой взгляд на картине, напротив которой сидит Герцог. Нижней изображена прекрасная бело-волосая девушка с лавандовыми глазами с лёгким голубым под тоном. Она полу-улыбается, но в глазах нет и намёка на радость или счастье.

Я машинально достаю из сумки небольшой листок с рисунком лесной девы... С портрета, который я набросал, на меня смотрит девушка с тем же самым прекрасным лицом... Если бы не глаза цвета чистого неба, я бы сказал, что это одна и та же эльфийка.

Мёртвая тишина, царившая в поместье до недавнего времени, теперь не такая гнетущая. Постепенно его наполняют

разные звуки. Из-за двери доносится повеселевший и требовательный голос Элсора, который отдаёт распоряжения: перенести Герцога в другую комнату, привести его и комнату в порядок, приготовить ужин... И другие мелкие поручения.

— Прошу прощения за ожидание, Граф. — Когда он входит в комнату, то выглядит чуть более уставшим, но в целом довольным проделанной работой. — Ужин готов. — За ним въезжает тележка с блюдами и останавливается у круглого стола у окна.

— Благодарю. — Я осторожно поднимаюсь, всё ещё чувствуя слабость. Эльф тактично следует за мной, явно намереваясь в любой момент подхватить меня, но держится на почтительном расстоянии в пару шагов. Этого достаточно на случай непредвиденных обстоятельств. — Что ж... Не могли бы вы рассказать, что произошло?

— Хах. — Вздыхнув, Элсор отодвигает стул напротив меня, но на мгновение замирает, явно раздумывая, правильно ли он поступает. Но в конце концов он медленно опускается на стул. — Всё из-за пропажи леди Калеи. — Я замираю на несколько секунд, пытаюсь вспомнить, слышал ли я что-нибудь об этом, но нет... — Это дочь Его Светлости. — Я даже не могу вспомнить, была ли у него дочь... Он её скрывал? — Насколько хорошо вы осведомлены о делах в Столице?

— Не совсем уверен, последние несколько лет я жил в Аксамате... — Я слегка хмурюсь и отпиваю сок из бокала. — Однако подозреваю, что там не всё так радужно. — Я кладу

на стол свёрток и пододвигаю его к юноше. — Эти отчёты так и не дошли до столицы... А из самой столицы нам приходят письма о балах и празднествах...

— Что ж... Неудивительно. — Он даже не прикасается к конверту, а лишь смотрит на него таким серьёзным взглядом... — В последние несколько лет в столице... среди знати распространился наркотик «Шёпот цветов». Галлюциноген. Мы занимались исследованием: поставки и распространение... — Дверь открывается, и в комнату входит ещё одна рыжеволосая девушка. Она ставит чашки, бросает на меня настороженный взгляд и, быстро поднявшись, уходит.

— Как я понимаю, никаких подвижек нет. — Секретарь медленно кивает, недовольно поджимая губы.

— Не то чтобы... Мы подозреваем, что в этом замешан Маор Калтос. — При упоминании этого имени его передёргивает...

— Полукровка из дипломатической делегации? — заинтересованно приподнимаю бровь, застыв со столовыми приборами у тарелки. — Я слышал, что он не пропускает ни одной юбки... Да и в целом он хитрый торгаш, себя никогда не обделит. Но... Наркотики?

— Стервятник в шёлке, — с ненавистью бурчит он, но быстро берёт себя в руки. — Сначала это не привлекало внимания. «Шёпот цветов» — вкусный и интересный чай, обладающий тонизирующим и слегка расслабляющим эффектом. — Он замолкает на несколько минут, бросает взгляд во

двор и уверенно кивает. — Я дам вам документы... Мы отправили чай на экспертизу.

— Хм... Конечно, сочетание довольно сомнительное, учитывая свойства растений по отдельности. При неконтролируемом употреблении он может вызвать проблемы со здоровьем... Впрочем, в мире нет ничего абсолютно безопасно. — Юноша сжимает стакан в руках и выглядит несколько подавленным моими словами. — Но при чём тут Леди и Маор Калтос? Она тоже пила этот чай?

— Те, кто часто пил или курил «Шёпот цветов», стали страдать от галлюцинаций и панических атак. Было зафиксировано несколько летальных исходов от асфиксии и сердечного приступа. — Конечно, состав вызывает большие вопросы... Но чтобы довести до такого... Хотя пять лет — срок не маленький. — Доказать его причастность на данный момент невозможно, мы не можем найти лабораторию, а значит, от того, что мы его схватим, не будет никакого толку. Юная госпожа должна была войти в его семью, втереться в доверие и найти доказательства. — На его лице отражается такая гамма чувств, что я не успеваю их распознать... — Она... отказалась. Наотрез. — Видимо, это неудивительно... — В связи с этим Герцог решил отправить её в Аксамат для защиты, чтобы до неё не добрались его враги. Но она пропала, так и не доехав до заставы.

— Ладно. Я понял. — выдыхаю, откладывая в сторону столовые приборы. — Тогда оставим всё это до пробуждения

Герцога.

23 июля 2104 г

Эльнесар Вий

Приходить в себя невыносимо. Тело ломит, будто его перековали в кузнице на огне, а потом скрепили болтами из чужой воли. Голова раскалывается — тупая, настырная боль пульсирует в висках, будто кто-то методично, с омерзительным наслаждением забивает в череп гвозди, один за другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.